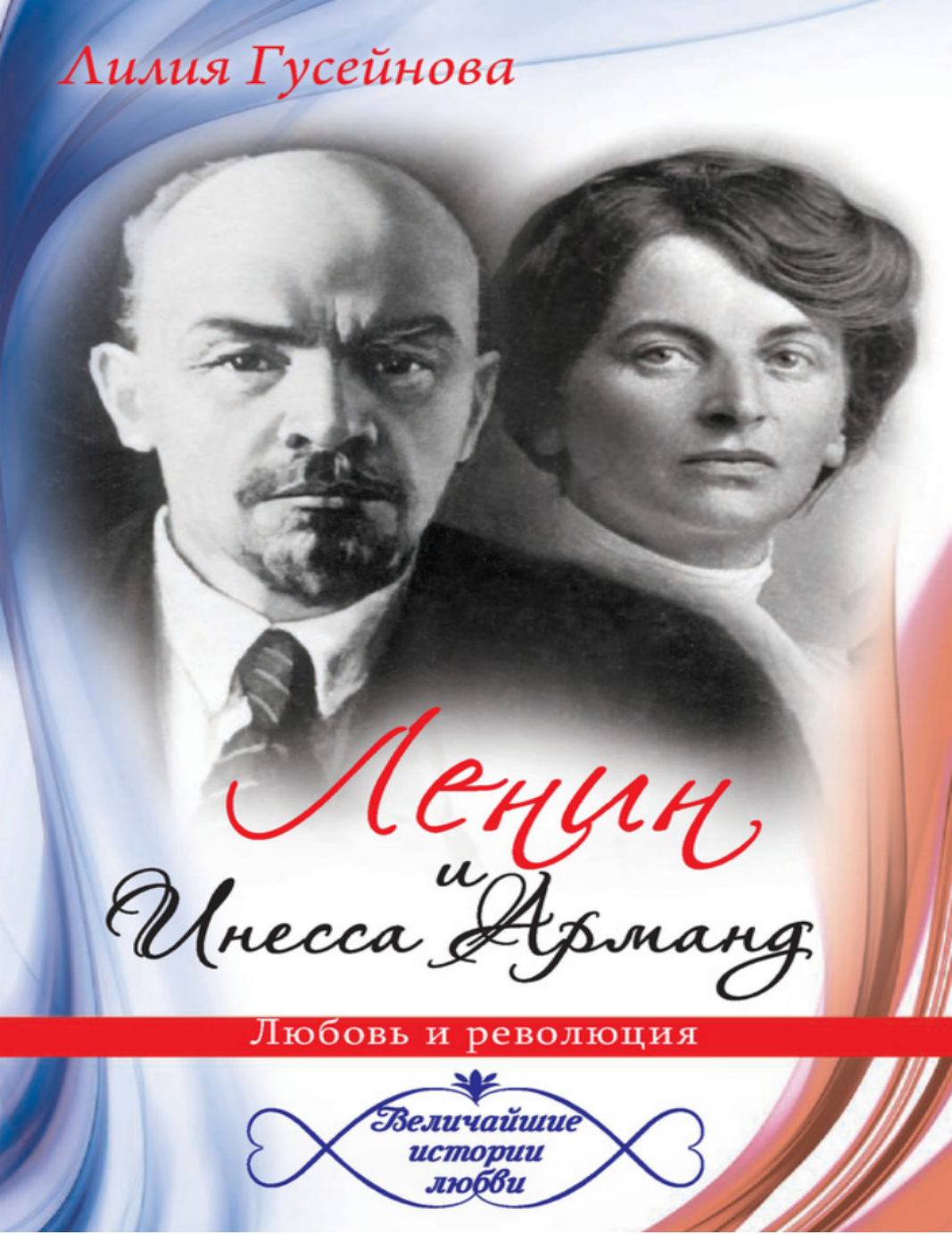
Лилия Гусейнова



Ленин и Инесса Арманд

Любовь и революция

Величайшие истории любви

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все переплелось в жизни этой яркой и страстной женщины – революции, мужчины, интриги, авантюры, болезни, смерти, бесконечные искания и метания… Кем же на самом деле была Инесса Арманд – интриганкой, одержимой ее безумными идеями о свободной любви, или влюбленной женщиной, отдавшей себя всю без остатка любимому мужчине, и не просившей ничего взамен?

Ее роман с вождем мирового пролетариата В. И. Лениным долго хранился под грифом «Секретно». И он был далеко не первым мужчиной, подпавшим под ее чары, которым было невозможно противостоять. Долгое время они дружно и счастливо жили втроем – Крупская, Ленин и Арманд. Это было неслыханно! Как это вообще возможно?! Да еще в те времена!

Говорят, что после смерти Ленина, Крупская даже настаивала на том, чтобы их похоронили вместе с Арманд. Сколько всяких невероятных гипотез возникало вокруг этого странного союза! И якобы младший сын Арманд был сыном Ленина, и якобы стреляла в Ленина не Каплан, а его любимая жена Надюша – из ревности. Правда все это или всего лишь вымысел – неизвестно, но доподлинно известен тот факт, что Крупская после смерти своей соперницы взяла на воспитание ее пятерых детей…

Эта книга – попытка разгадать феномен этой удивительной и яркой женщины и любовного треугольника, который вот уже целое столетие не перестает волновать умы человечества. Ведь даже после смерти эти трое остались неразлучны – две любимые женщины вождя похоронены у Кремлевской стены, всего в нескольких метрах от Мавзолея…

- Лилия Гусейнова
  -
  - Пролог
  - Глава 1. Начало воспоминаний
  - Глава 2. Знакомство с Лениным
  - Глава 3. Вспыхнувшие чувства
  - Глава 4. Любовный треугольник
  - Глава 5. Любовь и революция
  - Глава 6. Бунтарка по крови
  - Глава 7. Революционные мысли
  - Глава 8. Свободные взгляды
  - Глава 9. Обиды и непонимание
  - Глава 10. Компромисс

- Глава 11. Осознание любви
- Глава 12. Александра Коллонтай
- Глава 13. Единственная женщина
- Глава 14. Возвращение в Россию
- Глава 15. Штурм Зимнего
- Глава 16. Предчувствие
- Глава 17. Покушение и расплата
- Глава 18. Как все было на самом деле
- Глава 19. Расплата
- Эпилог
- Письма

Лилия Гусейнова
Ленин и Инесса Арманд. Любовь и революция

© ООО «Фанки Инк.», 2014
© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Инесса пришла на похороны дочери и зятя Карла Маркса вместе с Лениным и Крупской. Неожиданно для всех слово на траурной панихиде получил Ленин. По-французски он говорил, но не совсем уверенно, поэтому он набросал текст своего выступления по-русски и попросил Инессу перевести его на французский язык. Только так Владимир мог прочитать эту речь без запинки…

На самом деле это были странные похороны, ведь хоронили двух самоубийц. Зять Карла Маркса – Лафагр задолго до смерти принял решение уйти из жизни, не переступив порога семидесятилетия, они ушли из жизни вместе – дочь Карла Маркса – 66-летняя Лаура Маркс и ее 69-летний муж и писатель Поль Лафарг. В предсмертном письме Лафарга говорилось: «Здоровый телом и душой, я убиваю себя прежде, чем безжалостная старость, отнимающая у меня одни за другими радости и наслаждения бытия, физические и интеллектуальные мои силы, успеет парализовать мою энергию, сломать мою волю и превратить меня в тягость для самого себя и других. Издавна я обещал себе не переступать семидесятилетний возраст и наметил время моего ухода из жизни… Я умираю с радостной уверенностью, что предстоящее будущее, во имя которого я боролся 45 лет, восторжествует. Да здравствует коммунизм, да здравствует интернациональный социализм!».

Летом 1909 года супруги познакомились с Владимиром Лениным и Надеждой Крупской, которые навестили их в Дравейле под Парижем. Владимир Ильич больше 3-х часов рассказывал им на ломаном немецком языке содержание своего «Материализма и эмпириокритицизма»… И на похоронах Лафаргов Ленин и Крупская были под глубоким впечатлением от случившегося.

Но возможно именно тогда Владимир Ленин взглянул на Инессу, которая была рядом все это время, совершенно по-другому. Ведь эта женщина поддерживала его и в такие трудные моменты. Тогда он еще не знал, сколько им предстоит пережить вместе, сколько дел они смогут сделать сообща. Талантливая переводчица, образованная и разделяющая идеи будущего вождя и просто красивая женщина. Она уже тогда в скорбный день не могла не привлечь внимание Ленина.

Всей своей пламенной натурой, всем своим существом отдалась партии, пропаганде идей своего кумира. Неутомимая, непреклонная в борьбе, она и в этом, как и во многих других

отношениях, походила на самого Ленина. Стойкая, она, казалось, никогда не уставала, какую бы тяжелую работу на себя ни брала. Она считалась отличным оратором в партии, ее речи были превосходны по форме и по содержанию, у нее был красивый и приятный голос, и к тому же она прекрасно говорила на разных языках, что было немало важно для пропагандистского дела. Инесса Арманд была настоящим борцом, неутомимым в работе, не останавливающимся ни перед какой жертвой для пользы дела, как в агитационной, так и в организационной работе. Многие называли Инессу музой Ленина.

Гражданская война, суматоха, революция и посреди нее занятый государственными делами и судьбами миллионов людей очень скромный и ничем не примечательный человек озабочен в своем письме тем, что читает сейчас любимая женщина. «Ну и что в этом такого?», – спросите вы. И, собственно, ничего особенного в этом нет за одним маленьким исключением. Скромный человек – ни кто иной, как Владимир Ленин, и он пишет письмо не своей жене, а любовнице – Инессе Арманд. Долгие годы в Советском Союзе об этом молчали. Превратив эту тему в абсолютное табу, все стыдливо замалчивали любые детали из личной жизни Ленина.

Но однажды как гром с ясного неба прозвучало: у Владимира Ленина была любовница. Как?! У кремлевских небожителей не бывает любовниц!

А «кремлевский мечтатель», как назвал вождя английский писатель Герберт Уэллс, и был для всех неким подобием советского бога. Простые граждане страны Советов и не могли даже себе представить, что он мог иметь отношения с простой «смертной», а не с великой Крупской, и что ничто человеческое не было чуждо вождю мирового пролетариата.

Хотя избранным всегда было прекрасно известно о взаимоотношениях Владимира Ленина и Инессы Арманд. Большевичка и революционерка, первая в мире женщина-посол Александра Коллонтай после смерти Ленина заметила: «Он не мог пережить Инессу Арманд. Смерть Инессы ускорила его болезнь, ставшую роковой»…

Глава 1. Начало воспоминаний

«Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь. Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, и только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью – и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты провел расставание? Нет. Я думаю, что ты это сделал не ради себя… Крепко тебя целую. Твоя Арманд».

В третий раз перечитываю письмо… Не могу осознать, что ее больше нет… Моей милой Инессы больше нет. Она была моей опорой и поддержкой, моей правой рукой. Сейчас вспоминаю, как увидел ее в первый раз. Как будто это было вчера. Париж… Город пламенных сердец, романтиков и бунтарей. Эта встреча изменила многое в моей жизни. Инесса была необыкновенным человеком.

* * *

– Как же я благодарна вам, Владимир Ильич. Под влиянием книги «Развитие капитализма в России» я стала большевичкой. Я нашла ответы на многие вопросы, терзавшие меня. Вы – мой кумир! Как много светлых мыслей помещается в вашей голове. И как вы красиво умеете их излагать. После встречи с вами я еще больше убедилась в вашей уникальности и одаренности. Я верю в будущее большевиков, вы должны наставить народ на путь истинный и открыть России светлое будущее.

– Право, Инесса, вы возлагаете на меня слишком большую роль. Будущее государства – не только в моих руках. Мы все должны осознать свою ответственность и стараться на благо общества.

Между тем разговор плавно перешел на тему семьи. Оказывается, Инесса была замужем. Сейчас ее мало волнует собственная личная жизнь, гораздо больше ее голова занята революционными идеями. Я еще не встречал таких удивительных женщин. С одного взгляда на Арманд, я увидел ее яркий темперамент, боевой дух и твердую веру в свои убеждения. Она одновременно притягивает и пугает меня. Разве может женщина

быть такой сильной? Я всегда считал, что политика – удел мужчин, а женщины должны готовить, убирать и воспитывать детей. Но встреча с Инессой доказывает мне обратное. Какая она увлеченная! Я думаю, что разговаривал бы с ней сутками напролет, и не было бы темы, которую мы не смогли бы обсудить. Мы знакомы всего несколько часов, но такое ощущение, что это не часы, а года!

– Владимир? Вы, кажется, отвлеклись? Может быть, мои разговоры вас утомляют?

– Нет, что вы, Инесса?! Нисколько. Мне кажется, я готов разговаривать с вами часами. Просто немного задумался. А что касается аграрной реформы, как вы уже правильно подметили, эсеры и эсдеки так и не пришли к общему решению. Впрочем, я подробно описал свою точку зрения в своей книге. Вам не кажется, что мы слишком много говорим о политике? Может быть прогуляемся?

Как же она прекрасна! Легка походка, красивая внешность и горящий взгляд. Восхитительная женщина. У нее было так много кавалеров, любящий муж, дети, чем же ее привлек трудный путь революционерки?

– Инесса, чем вас привлекли революционные идеи?

– О, Владимир, вы так спрашиваете, как будто сами далеки от этого. Меня не устраивало и не могло устраивать спокойной существование в буржуазной семье. Никто не сможет поспорить с тем, что наше общество срочно нуждается в преобразованиях и изменениях. Вопрос лишь в том, какими будут эти преобразования. Большевизм – вот правильный путь. За годы, проведенные на учебе в Париже, я узнала много нового от местных организаций.

Я слушал и не слышал. Мы обсуждаем серьезную тему, большевизм и революционные идеи, так почему я не могу вникнуть? Почему меня отвлекают движения ее рук? Слушаю ее голос, смотрю, как она моргает. Я давно не испытывал подобных чувств. Такая работа, как у меня, отнимает много сил – как физических, так и моральных. В политике нет места сентиментальности и влюбленностям. Даже семья отходит на второй план. А на первом, несомненно, партия. Но сейчас меня мало волнуют партийные дела. Скоро съезд, много нерешенных вопросов, но это все такие пустяки. Я хочу гулять по этому саду, смотреть в эти прекрасные глаза и слушать, слушать, слушать.

– Владимир, вы, кажется, снова отвлеклись. Ну что, идем?

– Идем… Куда идем?

– Скоро подадут обед. Мы не должны опоздать к началу, вы непременно должны познакомиться со многими людьми из

местных большевистских партий. Здесь, в Париже, все только и толкуют о преобразованиях Советского Союза, о вас и о Сталине. Пойдемте же, нам надо поторопиться.

Ну вот. Пара часов пролетели, как пара минут. Впереди обед с видными партийными деятелями Парижа, нам нужно обсудить столько деловых вопросов, а у меня в голове лишь она. Что за удивительная женщина!!!

Глава 2. Знакомство с Лениным

Мы встретились впервые в Париже весной 1909 года. Ему было 39, а мне, многодетной маме, 35. После скоропостижной смерти Владимира Арманда я приехала во Францию из Брюсселя, хотелось забыться и отвлечься от печальных мыслей и снова начать жить полной жизнью.

Две мои прекрасные дочурки и сынишка помогали мне не терять бодрость духа, двое других моих детишек жили с первым мужем. Он все еще оставался моим официальным супругом по бумагам.

Но именно для них, своих дочерей и сына, я всегда выглядела жизнерадостной и не разрешала себе одеваться не опрятно – только элегантно и красиво! Хотя я прекрасно понимала, что дети в моей жизни – только одна из частей. И центральное место они не смогут занять, ведь как и любому образованному человеку мне невозможно было целиком и полностью погрузится в быт. Моя любовь к революционным идеям интересовала меня не меньше, а, может быть, даже и больше. Я понимала с юности, что революция – это свобода! И я ненавидела любые возможные ограничители. Дети, безусловно, любимые, но я должна была найти себя и свое место в жизни. Я не могла предать свою идею даже во имя детей.

Я никогда не жалела ни о чем в своей жизни – ни когда в 19 лет вышла замуж за Александра Арманда и родила ему четверых детей, ни когда влюбилась и ушла от мужа к его брату, Владимиру хотя он был моложе меня на одиннадцать лет. Я нисколько не стеснялась адюльтера. И не считала себя развратной женщиной, полагаю, что я имела и имею право на собственное счастье.

Знаете, многие ученые умы пишут сейчас о своего рода сексуальной революции, которая произошла в России в конце XIX века. И что именно женщины начали разрушать институт брака. И тайные адюльтеры, которые случались всегда, впоследствии, то есть сейчас, позволили женщинам открыто уходить от мужей. А некоторые из них даже присоединяются к революционному движению, я – одна из таких женщин.

Но, хочу сказать, что, прежде всего, женщины, находившиеся под властью мужа, жаждали личного счастья, и для этого им была нужна некая свобода в интимных отношениях тоже. Об этом еще писал Маркс! Эти его взгляды на свободу женщин при выборе себе спутников жизни мне импонировали больше всего.

А ведь нас с младшим Армандом объединила, действительно, не только любовь, но и общее дело – социал-демократия.

Владимир был носителем революционных идей, а я – борцом, я действовала за двоих. Я активно участвовала в собраниях, митингах, публикациях нелегальной литературы.

Именно Владимир, первым познакомил меня с учением Маркса, которое сильно увлекло меня, темпераментную и склонную к максимализму. Что это было за чудесное время! Я была самой счастливой! Каждый день – борьба, каждый день – новые идеи и проработка старых. Но наше счастье было недолгим: смертельно больной Владимир скончался у меня на руках от туберкулеза. Я была просто убита горем, и мне ничего не оставалось делать, как с головой уйти в революционную деятельность, став одним из самых активных деятелей большевистской партии и международного коммунистического движения. И в ходе революции 1905 года мое имя впервые громко зазвучало. Всероссийские волнения в этом году лишь укрепили мои политические взгляды, и я стала еще более активно принимать участие в деятельности разных подпольных организаций.

Когда я впервые увидела Владимира Ильича, я сразу же поняла, что это была судьбоносная встреча. Это был удар молнии! И если бы мы не встретились тогда, мы бы обязательно встретились где-то еще, нам было суждено узнать друг друга.

У нас были общие идеи, юность Владимира Ильича была посвящена революции, вся моя сознательная жизнь была посвящена ей же.

Я заметила, что люди любили смотреть и слушать Ленина. Люди шли за него на смерть, готовы были свернуть горы, готовы были свергнуть и правительство, расталкивали друг друга локтями, чтобы увидеть его хоть одним глазком. Я видела, с каким рвением и страстью он подходит к своему делу и понимала, что обратной стороной такой всепоглощающей целеустремленности был ослабленный интерес к противоположному полу, пониженное влечение. Я знала, что это частое явление в политической истории. Ему просто было не до женщин. А увидев друг друга в первый раз, у нас сразу возник невероятно сильный импульс, пробудивший в нас яркое, незабываемое чувство. Именно в этом чувстве удивительным образом сочеталась жажда революции и жажда жизни.

Я была настолько пылкой революционеркой, что сразу же стала одним из активных членов Парижской группы… Я, наверное, действительно была очень горячей большевичкой, и заражала других своими идеями, потому как вскоре около меня стала группироваться парижская публика.

Конечно, мне сразу понравился Владимир, то красноречие и

желание действовать не могло не привлечь меня в нем. Но он был с Надеждой Крупской. То есть не свободен. Мне бы и хотелось проводить наедине с ним больше времени, но это поначалу было невозможно. При нем неотлучно находилась жена, рано состарившаяся, неухоженная и вдобавок бесплодная из-за базедовой болезни. Я уже тогда знала, что она не будет моей главной соперницей. Ей станет другая женщина – политика. Владимир Ильич грезил лишь о революции, и сутками напролет составлял разные манифесты и воззвания.

Но я все равно сдружилась с ними обоими и с самим Лениным и с Крупской. С этого момента началось наше тесное сотрудничество. Вскоре даже марксисты заметили, что мы трое уже перешли на «ты», а это, как оказалось, было большой редкостью для Владимира Ильича, который всем и всегда говорил «вы».

Я, действительно, стала много времени проводить в семье Ленина. Он предложил мне стать его референткой и я, конечно, не отказалась. Также я никогда не чуралась помогать Крупской и Владимиру по дому, для меня было огромной честью подать чашку кофе Владимиру. Я стала для них обоих верной соратницей и доброй подругой. Мы все очень сблизились. А я как будто проснулась от зимней спячки и снова после трагических событий ощутила вкус к жизни. Во мне было столько какой-то жизнерадостности и горячности, что я рада была делиться ею со всеми подряд и главное – быть рядом с Владимиром. Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами, и главное – я чувствовала, что я нужна Надежде Константиновне и Владимиру, и чувствовала, что они рады моему присутствию. Я много рассказывала Крупской о своих детях, показывала их письма. Мы много гуляли. Я была обучена музыке с детства и считала себя достаточно хорошей музыкантшей, я сагитировала всех ходить на концерты классической музыки, и сама играла им многие вещи Бетховена. И что более всего приятно – Владимир постоянно просил меня играть. И я была самой счастливой, исполняя для него сонаты.

Владимир как-то сказал мне:

– Ты в свои 35 – просто очаровательна! Я не мог не заметить, что в тебе – неисчерпаемый источник жизни! И эти красные перья на шляпке – словно языки пламени в горящем костре революции. А еще я не мог не заметить: зеленые лучистые глаза, внимательно-печальный взгляд, и блестящую пышную копну твоих изумительных волос. Помню, как я смутилась тогда. Мне было приятно и неловко, я почему-то всегда как будто глупела в присутствии Владимира.

В то время я боялась его пуще огня. Мне всегда хотелось увидеть его, но лучше, кажется, умереть бы на месте, чем войти к нему в комнату, а когда я видела, как он почему-либо подходил к Надежде Константиновне, если была рядом с нею, я сразу как-то терялась, и не могла вымолвить ни слова. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к Ленину, говорили с ним. И только по прошествии некоторого времени я немного привыкла к нему. Я так любила не только слушать, но и смотреть на Владимира, когда он начинал говорить. Во-первых, его лицо всегда так оживлялось, и, во-вторых, было очень удобно смотреть, потому что он в это время не замечал этого.

Постепенно мы стали часто подолгу разговаривать в кафе, и я видела и чувствовала, что Ленин не спускает с меня глаз. Как ему интересно разговаривать и спорить со мной. Нас все теснее связывало общее понимание идей социализма, и постепенно разгоралась взаимная и пылкая страсть.

Хотя сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что, наверное, где-то глубоко в подсознании я знала, что Владимир не бросит Надежду даже ради меня.

Ведь их объединяли общие идеалы, взаимное уважение. Нельзя сказать, что их брак был неудачным. Владимир Ильич ценил жену, сочувствовал ее страданиям из-за здоровья. А она, не жалуясь, помогала ему во всем. Вела его обширную корреспонденцию. Целыми днями она шифровала и расшифровывала его переписку с товарищами – дело муторное и трудоемкое. Все это было, и я видела это собственными глазами. И, безусловно, за такую приверженность делу и мужу я уважала товарища Крупскую. Тогда, кстати, в окружении шутили, что практичный Ленин женился на Надежде Константиновне ради ее каллиграфического почерка. Но это в действительности была только шутка – Крупская была вернейшим другом и соратником Ленина. Но тогда мне кажется, я рассчитывала на нечто большее между нами, чем просто страсть…

И каждый раз я особо тщательно подбирала наряды и духи перед встречей с ним, даже если она проходила в сугубо деловой обстановке, и мне нужно было что-то записать или принести Ленину очередную чашку кофе и легкий ужин. Хотя в быту Владимир Ильич оказался непрост. У него была железная воля, но очень хрупкая нервная система. От нервных вспышек сыпь выступала по телу. Он быстро уставал и нуждался в постоянном отдыхе на природе. Он был очень вспыльчивым, раздражительным, легко впадал в гнев и в ярость. Мучился бессонницей, головной болью, поздно засыпал и плохо спал. Утро у него всегда было плохим. Бросалась в глаза его маниакальная

забота о чистоте, ботинки он начищал до блеска, не выносил грязи и пятен. Мне нравилось в нем все. И я не видела и не обращала внимания на то, когда он гневался или раздражался по пустякам. Он был для меня всем – я видела вживую своего кумира.

Период с 1909 по 1913 годы был самым спокойным в моей жизни – Владимир работал, Крупская ему помогала, я им помогала и курировала организованную Лениным партшколу в городишке Лонжюмо. Мне было безумно интересна вся эта работа, и я почти неотлучно находилась с тем, кем восхищалась и с кого брала пример. Именно Владимир Ильич в этот период времени стал всей моей жизнью. И я была счастлива.

Глава 3. Вспыхнувшие чувства

В 1909 году мы с Надеждой Константиновной приехали в Париж. Здесь наша Парижская группа вела свою активную революционную агитацию. Я всегда считал, что самодержавие – это гнилая стена, ткни и развалится! И именно на борьбу с самодержавием, борьбу за освобождение народа от гнета я бросил все силы. Но из-за многочисленных арестов мне пришлось эмигрировать за границу. Мне пришлось жить в разных странах и городах, в Мюнхене и его предместье Швабинге, Лондоне, Женеве и вот теперь Париже.

Когда я впервые увидел Инессу Арманд, то не придал значения нашему знакомству. Хотя она и разделяла наши взгляды на политику в стране, все же я отнесся к Инессе весьма холодно. Я уже привык к тому, что те, кто назывался сторонниками идеи и верными соратниками, подчас оказывались предателями. Готовыми при первой же тревожной ситуации либо изменить свою позицию, либо сдать своих с потрохами.

Но чем больше я узнавал Инессу, тем более разубеждался в своих выводах насчет нее. За прекрасной внешностью скрывалась женщина, готовая на все ради общего дела. Она была настолько заразительна, когда говорила, что наша парижская группа стала расти на глазах. Она так активно занималась партийной работой, что мы не могли нарадоваться на нее с Надеждой Константиновной. Заполучить в команду такого энергичного человека, как товарищ Арманд, было чрезвычайно ценно. И по тому, как она рассуждала, не оставалось сомнений, что она хорошо разбирается в идеологии и ценностях, которые мы несли в массы. И знания ее – далеко не поверхностны.

Она оказалась настолько открытым человеком, что как-то сразу влилась не только в коллектив группы, но и в нашу с Надеждой семью. Я взял ее референткой, а она по своему личному желанию, видя, как не просто приходится Наденьке с ее неважным здоровьем, стала еще и помогать жене по дому. И постепенно мы даже уже и не представляли своей жизни без Инессы. Она была с нами вместе всегда – и в те часы, когда мы работали, и когда мы отдыхали. Можно сказать, что Арманд даже стала почти членом нашей семьи.

А я сам даже и не заметил, как много времени мы стали проводить втроем – я, Надежда Константиновна и Инесса.

Бывало, что по многу часов подряд сидя в одном из французских кафе, мы много говорили обо всех предстоящих свершениях, обо всем, что нам предстояло. Я смотрел на эту

изящную женщину и думал, сколько же в ней огня, и с каким восторгом и восхищением она слушает то, о чем я говорю. Мы понимали друг друга с полуслова, у нас были общие идеалы, общие идеи. Она в отличие от многих женщин действительно была увлечена революцией и марксизмом.

– Владимир, я много раз перечитывала твою работу «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения». Ты дал такой точный анализ положения в международном социал-демократическом движении. Это удивительно четко и ясно. О, эту твою работу должны прочесть как можно больше людей!

– Инесса, я хотел донести до общественности, что в социал-демократии существуют две позиции, два различных направления. Одно из них твердо стоит на почве марксизма, другое же, по существу, – оппортунистическое под предлогом того, что «старый догматический» марксизм якобы устарел, выбрасывает из учения Маркса его революционное содержание, превращает марксизм в реформизм. И показать, насколько острая между этими двумя направлениями ведется идеологическая борьба!

– О, как я это понимаю! Но к несчастью не все понимают учения Маркса так точно как ты! А твоя другая книга «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» – еще более откровенна и блистательна! Сколько смысла в каждой точно сказанной фразе!

– Нет, ну не стоит так хвалить меня, Инесса. Мне даже как-то неловко! Я просто должен был обратить внимание на то, что в партии образовалось два течения – большевистское, революционное, действительно представляющее большинство партии, и меньшевистское, оппортунистическое. Я показал в этой книге существо меньшевизма и высказался за разделение партии, являвшееся неизбежным ввиду коренных разногласий между большевиками и меньшевиками. И сформулировал нормы партийной жизни, к которым отнес: строжайшее выполнение всеми без исключения членами партии ее Устава, соблюдение принципов демократического централизма, развертывание активности членов партии, критики и самокритики.

– Все верно, без соблюдения принципов невозможно представить себе эффективную работу партийной жизни. Я не могу понять, почему такие очевидные вещи не видят другие!

– Оставим это на их совести. И постараемся сделать все возможное для следования нашим идеям и привлечения тех, кто серьезно будет относиться к нашей совместной работе как к делу жизни, а не как к бирюлькам, в которые можно поиграть и забыть.

Я не мог не заметить этих восторженных глаз, этого

красивого тела, которое слегка подается вперед, словно тоже не в состоянии удержать рвущихся наружу идей и мыслей.

В этой страстной натуре так тесно переплелись и желание революции, перемен, и живой, требующий постоянной пищи ум, что мне казалось, разговаривай мы сутками напролет – нам все также было бы интересно друг с другом.

Хотя, признаюсь честно, вначале я подозревал в Инессе только любовь ко всему модному и новому. Ведь многие дамы в то время считали увлечение революцией ничем иным как таким же хобби, как вышивание крестиком перед камином. Но Арманд развеяла мои сомнения, когда я, решив проверить ее и вывести на чистую воду, завел разговор о том, что год назад в 1908 году я, находясь в Лондоне, написал свое философское произведение – «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии». И что первое издание было уже отпечатано частным издательством «Звено» в Москве и вышло в свет в этом году. Каково же было мое изумление, когда она сказала, что прекрасно знает об этом труде и как раз в поезде прочитала его.

– Достать было невероятно сложно, – немного с детской гордостью сказала Арманд, – но я связалась со знакомыми в Петербурге, а они – с кем-то из своих приятелей в Москве. Случилось, наверное, чудо, потому что, приобретя твой «Материализм и эмпириокритицизм», они успели передать его мне через нескольких проводников! Ты не представляешь, какую цепочку пришлось выстроить, чтобы произведение догнало мой поезд на одной из станций! И это того стоило, Владимир! Я не могла не прочесть твою всестороннюю критику субъективно-идеалистической философии – эмпириокритицизма!

И тут я понял – она безумна в своих желаниях постичь новое, и она одержима моими трудами! И мне это было чертовски приятно! Меня никогда не волновали просто красивые куклы. Безусловно, женщина должна быть женщиной, но так редко можно встретить еще и умную представительницу противоположного пола, которая думает и рассуждает практически как ты сам. Я так был поражен результатами своей проверки Инессы, что потом мы целых три часа только и говорили о материализме и эмпириокритицизме… И ей ни капли не наскучили мои разговоры!

– Знаешь, моя всестороння критика субъективно-идеалистической философии – эмпириокритицизма – это мое самое настоящие детище! И я хочу напомнить те доводы, которыми побивают материализм Базаров, Богданов, Юшкевич, Валентинов, Чернов и другие махисты. Это последнее выражение,

как более краткое и простое, притом, получившее уже право гражданства в русской литературе, я употребляю наравне с выражением: «эмпириокритики». Что Эрнст Мах – самый популярный в настоящее время представитель эмпириокритицизма, это общепризнано в философской литературе, а отступления Богданова и Юшкевича от «чистого» махизма имеют совершенно второстепенное значение, – я сделал паузу внимательно глядя в глаза своей собеседницы.

Она вся подалась вперед, жадно впитывая все мои слова и ожидая, когда я продолжу говорить. Тут внутри меня что-то как будто щелкнуло, переключилось. У меня как будто спала пелена и я ясно увидел сидевшую передо мной женщину. Красивую, полную сил и страсти. Она смотрела на меня как на Бога – Бога революции. Я почувствовал, что она как будто дает мне силы. Как будто ее непоколебимая вера наполняет изнутри мой измученный постоянными недосыпами и переездами организм! Она словно омолаживала меня, и я вновь чувствовал прилив сил и энергии. Непостижимо… Мое сердце забилось словно бешенное, а Инесса, все ближе наклоняясь ко мне, пошептала своим нежным голосом:

– Продолжай, Владимир, я прошу тебя!

Мне показалось, что если я не продолжу, то она не вынесет этого! Настолько жадно и передано смотрела она на меня своими поразительно прекрасными глазами, и я, будучи не в силах больше держать затянувшуюся паузу, продолжил:

– Материалисты, говорят нам, признают нечто немыслимое и непознаваемое – «вещи в себе», материю «вне опыта», вне нашего познания, они впадают в настоящий мистицизм, допуская нечто потустороннее, за пределами «опыта» и познания стоящее. Толкуя, будто материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущения, материалисты берут за основу «неизвестное», ничто, ибо-де сами же они единственным источником познания объявляют наши чувства. Материалисты впадают в «кантианство» (Плеханов – допуская существование «вещей в себе», т. е. вещей вне нашего сознания), они «удвояют» мир, проповедуют «дуализм», ибо за явлениями у них есть еще вещь в себе, за непосредственными данными чувств – нечто другое, какой-то фетиш, «идол», абсолют, источник «метафизики», двойник религии («святая материя», как говорит Базаров). Таковы доводы махистов против материализма, повторяемые и пересказываемые на разные лады вышеназванными писателями! Инесса, ты понимаешь, о чем я?

– Владимир, конечно, понимаю! Но время, когда вышел в свет твой труд, – это время быстрого развития физики, появления новых физических понятий. Сейчас стало очевидно, что многие

экспериментально установленные физические явления не могут получить объяснения и толкования с позиций классической ньютоновской механики, а, следовательно, классическая механика не является настолько всеобъемлющей и универсальной, чтобы к ней можно было свести все наблюдаемые процессы. Но, кажется, физики и сами запутались во всем, что говорили ранее, и в том, что открывают сейчас! Это положение – кризис современной физики!

– И я говорю о том же! Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», – и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, то есть объективной реальности физического мира. Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью, «ограничением ожидания», «логической необходимостью» и тому подобное. Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно верно, относительно правильно отражаемого этим познанием. И так далее, и тому подобное – без конца!

Мы говорили и говорили, и время уже давно перевалило за полночь. И пора было уже уходить из кафе. Мы брели по узкой улочке Парижа, вдыхая прохладный воздух пока, наконец, не дошли до нашего с Надеждой дома. И только тогда заметили, что целый день провели наедине друг с другом… Инесса, кажется, засмущавшись этому, спешно распрощалась со мной и отправилась к себе на квартиру. А я этой ночью так и не уснул, потому что мысленно возвращался к нашей долгой беседе, и мне казалось, что я все еще чувствую запах духов Инессы и ее теплое дыхание, когда она, наклонившись ко мне, просила продолжить рассказ.

Глава 4. Любовный треугольник

Меня всегда поражала близорукость или сознательное хладнокровие Крупской – она всегда отзывалась обо мне, как о верной соратнице и доброй и заботливой подруге. И неужели она как женщина не замечала, как я уже просто не могла скрывать свои чувства к Владимиру?!

Всегда приветлива и учтива со мной и это даже не смотря на то, что Ленин стал проводить со мной все больше и больше времени. Женщина – сталь, женщина – выдержка! Если бы знать какие чувства она испытывала, но внешне она оставалась невозмутимой. Я бы описала ее тремя фразами: «была спокойна», «ничем не выдала своих чувств», «молча работала, и никто не видел ни слезинки».

Все, что я знала об их семейной жизни, так это только то, что мне рассказывала сама Надежда Константиновна, и то, что я видела своими глазами.

Девушкой Надежда Константиновна была вполне симпатичной, я видела ее портреты. Но, по ее собственным словам, «у нее не было ни тщеславия, ни самолюбия. В ее девичьей жизни не нашлось места для любовной игры».

После того как они познакомились, Владимир Ильич был арестован. И, по рассказам Надежды Константиновны, уже из тюрьмы прислал предложение стать его женой, а она ответила: «Что ж, женой – так женой». Она, так же как и я, с первого дня знакомства была очарована Владимиром. Нас обеих всегда поражало в нем решительность и безапелляционность суждений. Он всегда вел себя как вождь, лидер. Крупская сказала мне как-то, что именно после предложения она поняла, что уже никогда не расстанется со своим Володей, и теперь получит законное право быть вечно с ним рядом.

А 10 июля 1898 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна обвенчались, хотя обручальных колец не носили. Владимир стал для нее первым мужчиной. В юности Крупская вращалась в кругу радикально настроенных молодых людей, снабжавших ее нелегальной литературой. Они вместе читали Маркса, спорили. Но дальше разговоров о Марксе дело не шло. О мужском опыте Владимира Ильича мне и вовсе не известно.

Оставаясь у них на ночь, я заметила, что спали они в разных комнатах. Похоже, в жизни революционера женщины, действительно, играли незначительную роль. Да и жена, судя по всему, не вызвала особого прилива радости. Мне казалось, они оба рассматривали свой союз как чисто деловой, как создание

революционной ячейки в борьбе против самодержавия.

Надежда Константиновна рассказывала, что ее матери очень понравилось, что зять попался непьющий и даже некурящий. Но это, кажется, был единственный плюс для ее семьи, во всем остальном революционер Ленин вряд ли им нравился. С другой стороны, став женой Ленина, Надежда не вызвала также большого восторга и у его семейства: там находили, что у нее уж очень «селедочный вид». Под этим утверждением подразумевалось, прежде всего, то, что у Надежды глаза были навыкате, как у рыбы. Сам же Владимир, по словам Крупской, к ее «селедочности» относился с юмором, присвоив ей соответствующие партийные клички – Рыба и Минога. Возможно, ситуацию исправили бы наследники. Но они все никак не появлялись. И почему, собственно, у них не было детей?..

Крупская сказала, что через два года после свадьбы, 6 апреля 1900 года, Ленин писал своей матери: «Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения». Да, конечно, женские болезни опасны осложнениями и бесплодием. А диагноз уфимского доктора Федотова после осмотра Крупской был весьма печален: «Генитальный инфантилизм». Не знаю, что это такое, но видимо ничего хорошего жене Владимира это не сулило.

И, видимо, потому что Надежда Константиновна не имела детей, она перенесла весь свой не растраченный материнский инстинкт на своего мужа, посвятив ему свою жизнь. А еще у них были общие идеи и стремления, что, похоже, было выше каких-то интимных отношений.

Марксизм дал Крупской то же, что и мне – величайшее счастье, какого только может желать человек, – знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала нас жизнь.

Любила ли она своего мужа? Я много раз, наблюдая за ними, задавала себе этот вопрос. И пришла к выводу, что ответ будет: «да», но только если любовью можно назвать несокрушимую верность и полное понимание.

Я часто видела, как, когда Ленин работает, Надежда Константиновна мудро и незаметно умеет направить его руку, сделав вид, что она лишь помогает. Владимир никогда не терпел возражений, но его супруга и не имела обыкновения возражать, мягко, исподволь она заставляла прислушиваться к себе. Мне приходилось наблюдать, как Надежда Константиновна в ходе дискуссии по разным вопросам не соглашалась с мнением Владимира Ильича. Это было очень интересно. Возражать Владимиру было очень трудно, потому как у него все всегда было

продумано и логично. Но она тонко подмечала «погрешности» в его речи, чрезмерное увлечение чем-нибудь… Когда Надежда Константиновна выступала со своими замечаниями, Владимир посмеивался и почесывал затылок. Весь его вид словно говорил, что и ему иногда попадает. И со стороны это все выглядело как в поговорке: «Милые бранятся – только тешатся».

Но, все же, я думаю за всем этим стояла не состоятельность Надежды Константиновны как женщины. И, думаю, это не могло ее не ранить. Но она почему-то не выгоняла меня из дома, а даже наоборот – все так же часто звала меня к ним. И мы также продолжали дни напролет проводить вместе.

Иногда мне стало казаться, что, если бы я лежала в одной постели с Владимиром, а она в этот момент зашла в спальню, то и тут Крупская бы ничего не сказала, а только тактично вышла бы из комнаты.

Я чувствовала, что с каждым днем все больше и больше Владимир начинал относиться ко мне не как к товарищу по партии, а как к женщине.

– Инесса, ты моя муза! – как-то в минуту откровения сказал он мне. – Когда ты рядом, я чувствую, что могу свернуть горы!

– Владимир, перестань… – начала было я, а потом сама же себя и оборвала, я – взрослая женщина и должна говорить прямо то, что думаю и чувствую. – Я хочу быть твоей музой! Это то, чего я хочу больше всего на свете, дорогой Владимир! – продолжила я уже в ином ключе. И, набравшись смелости, посмотрела ему прямо в глаза.

Ленин взгляда не отвел. Он несколько минут пристально разглядывал меня, а потом, улыбнувшись, сказал:

– Тогда ты будешь моей музой, Инесса. Лучшую кандидатуру на эту роль мне и не найти.

И тут со мной случилось что-то неожиданное. Я обняла Володю и начала целовать его высокий лоб, лицо, глаза, губы, шею. Он не останавливал, остановилась я сама, когда, наверное, тысячу раз поцеловала мужчину, о котором все это время только мечтала. Тогда меня накрыло чувство эйфории, я не отдавала отчет своим поступкам, и если бы в комнате был кто-то еще, даже Надежда, я бы поступила также. Этот порыв словно ураган подхватил меня и бросил в объятия того, кого я любила больше всего на свете! Но когда это чувство улетучилось, я поняла, что Ленин снова сидит за работой, а я, как дурочка, стою посреди комнаты. Побормотав тихие извинения, я выскочила вон. И только прислонившись к стене по ту сторону комнаты, поняла, что я бы согласилась жить втроем с ним и его женой, только если бы он позвал. Да, возможно, это кому-то покажется аморальным,

но не мне! Я желала этого мужчину как никогда, и мои губы все еще хранили привкус нежных поцелуев.

В тот вечер за ужином я старалась не смотреть на Владимира и больше молчала.

– Инессочка, а что это ты сегодня такая неразговорчивая? – обратилась ко мне тогда Крупская и неожиданно, как будто женское чутье ее не обманывало, спросила. – Уж не натворила ли ты чего?

Мое сердце совершило стремительный кульбит и ухнуло куда-то в пятки. Она все знает, пронеслось в голове. Но Надежда вдруг рассмеялась и продолжила: – На тебя это так не похоже – молчать. Вот я и заволновалась: не случилось ли чего?

– О, нет, не волнуйтесь, все хорошо. Я… я просто задумалась, – нашлась я.

– Не пугай нас так, душечка! – Надежда ласково похлопала меня по плечу.

И вот в тот вечер я поняла на сто процентов – она все знает. То есть, у нас действительно получался любовный треугольник. Но какой-то странный – без острых углов… Она меня не выгоняла, Владимир тоже не просил покинуть их, а сама я по своей воле и вовсе бы не ушла. Так шли дни, летели недели. Мы с Владимиром, оставаясь наедине, могли часами разговаривать о чем угодно, но теперь к этому прибавилось еще и то, что он разрешал мне его целовать. Да-да, в разгар беседы я могла подойти к нему и целовать его лицо, шею, руки… Я вставала на колени подле него и целовала его пальцы. Я думаю, он понимал, что, стоя перед ним вот так вот, я боготворю его и его гений. Он не прогонял меня и позволял стоять вот так некоторое время. А если бы Володя разрешил мне так стоять вечно, я бы простояла!

Но, кажется, Надежда Константиновна все-таки не смогла больше держаться ровно и спокойно. Я стала замечать, что она часто срывается и отвечает грубо Владимиру на какой-либо самый простой вопрос. Или они начинают спорить, а она, вместо того чтобы уступить вспыльчивому мужу, наоборот подливала масла в огонь. Ленин злился, и они оба расходились по разным комнатам – одна – почти в слезах, другой – абсолютно раздраженный.

Владимир тогда начинал срываться на всех и подолгу засиживался в своем кабинете.

Между нами с Надеждой не было ни единого разговора насчет отношений между всеми нами. Она, мне кажется, на этот период времени вообще погрузилась в себя и оживлялась только тогда, когда дело касалось революционной работы. Меня всегда это поражало в ней. Крупскую будто подменяли. Она сразу

становилась абсолютно другой – живой, энергичной, подающей идею за идеей, и с мужем она как будто бы и не ссорилась, даже и не было между ними ни единых разногласий. Ее рука снова направляла Владимира, снова была готова быть рядом с ним до конца. Но в такие моменты начинала безумно ревновать я! Конечно, я чувствовала, что муза здесь я, а не его жена, и что при виде меня Ленин действительно как будто наполняется энергией, а его устлавшие глаза снова загораются живым светом. Но чем ближе мы становились друг другу, тем все больше мне хотелось полностью завладеть его сердцем целиком. Я не претендовала занять место политики, но я хотела вытеснить оттуда его супругу.

Но очень быстро поняла, что это мне не удастся. Видя, что муж неравнодушен ко мне, она сказала, что уйдет от него и разведется. И он станет свободным мужчиной, вольным делать все, что захочет, и жить с той, с которой захочет. Я знаю про это, потому как случайно подслушала их разговор.

Именно Владимир остановил Надежду Константиновну. Он так и сказал:

– Наденька, ты моя жена, и я не смогу без тебя. Прошу, не горячись и останься. Все изменится, нужно просто подождать.

Крупская не спросила, что именно изменится, а я так и не поняла тогда, про какие изменения ведет речь Владимир. И все опять на некоторое время стало как прежде.

Глава 5. Любовь и революция

Историю моих отношений с женщинами можно поделить на периоды. И в каждом таком периоде найдется всего пара-тройка прекрасных дам, которые действительно имели некое значение в моей жизни. Наверное, каждой из них хотелось занять центральное положение, но ни одна из них не стала мне ближе, чем Наденька. Пожалуй, этого и не могло случиться. Надежда Константиновна разделила все тяготы моей жизни и принимала меня таким, какой я есть. Она стойко выдержала многие испытания, которые довелось нам пережить вместе. А все прочие женщины появлялись в те моменты, когда я уже был на пути к своей цели и особых тягот они со мною не разделяли и не желали разделять. Отчасти они хотели занять место Нади – прийти уже на все готовое.

Но как бы хороши собой и умны они не были, никто и никогда из них не будет в моей судьбе также значителен как супруга.

Еще в самом начале нашей совместной жизни нас обоих приговорили к трехлетней ссылке в Сибири – Надежду Константиновну несколько позже, чем меня. Вот тогда я и сделал ей предложение стать моей женой.

Кажется, она не вполне понимала, что я ей предлагаю: то ли «настоящий» брак, то ли какую-то уловку, которая просто позволит нам, двум ссыльным, отбывать наказание вместе. Но вскоре я объяснил ей, что брак будет «настоящим». И что не просто так я выбираю ее в жены. А действительно хочу идти рука об руку с ней. У нас был тогда не только один взгляд на революцию, и то, какой она должна быть, мы же были еще и молодоженами, и, конечно, это скрашивало ссылку. То, что говорят, мол, ничего, кроме холодного расчета, с моей стороны не было, это не так. И если я не говорил об этом никогда, это вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти.

Наши родные ожидали, что вскоре в нашей семье появится ребенок. Но этого к моему великому сожалению не произошло: рождению отпрысков помешала базедова болезнь, которая развилась у Наденьки. Помню, как в апреле 1899 года я прочел письмо, которое она писала из ссылки моей матери: «Что касается моего здоровья, то я совершенно здорова, но относительно прилета пташечки дела обстоят, к сожалению, плохо: никакая пташечка что-то прилететь не собирается…» Помню, с какой горечью она говорила все это мне и всегда очень жалела и

переживала, что у нас не было ребятишек.

Я тоже переживал, конечно, но нам помогала постоянная работа, в ней мы оба находили и утешение, и поддержку, и смысл жизни.

Но часто нет-нет да и сорвется какая-нибудь печальная фраза с губ. Вот однажды в эмиграции я не выдержал и горько заметил о каком-то своем товарище: «Он, видите ли, пишет, что через некоторое время, счастливец, его жена ждет ребенка…». Супруга тогда убежала в слезах в свою комнату, а мне сделалось неловко за свое малодушие. Да, я, как и моя жена, Надежда Константиновна, очень сильно хотел иметь ребенка, но тщетно… В своих сочинениях я всегда, поэтому, резко осуждал некую несуществующую «мещанскую парочку, заскорузлую и себялюбивую, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше не надобно».

Такие ведь люди и на самом деле встречаются. И не подозревают они, насколько трудно и тяжело это, когда хочешь, но не можешь иметь ребятенка.

Моя Наденька до последнего моего вздоха будет моей главной женщиной. Она – очень умная и талантливая. И пускай не все гладко складывалось, но мы – самые близкие люди друг для друга.

И я никогда не терпел высокомерного отношения к прекрасному полу. Да, многие дамы может и глупы как пробки, но этого можно ожидать и от мужчин. Не всем дан природный ум и видение тех или иных вещей в их истинном свете, и те, кто умнее, должен показать и рассказать другим, какие идеалы есть подлинные. И если женщина умна, она тоже имеет право просвещать. И как не покажется это странно обывателям, в наше время и с женщиной есть о чем поговорить и поспорить.

Как-то в эмиграции на улице я признался одному своему знакомому:

– Люблю путешествовать, особенно вместе с Надей.

– Ну уж, – грубовато засмеялся мой собеседник, – нашли что интересного… Я понимаю вдвоем, это да…

Он хотел еще продолжить, но я тогда покраснел и перебил его:

– Как? С женой-то не интересно?.. А с кем же тогда интересно?.. Эх, вы…

Быстро вскочил на велосипед и уехал прочь, оборвав таким образом этот пустой и неинтересный разговор.

В домашнем хозяйстве я также не стеснялся выполнять некоторые обязанности, которые принято считать чисто женскими: я пришивал пуговицы, чистил одежду и многое другое.

Наденька во всем помогала мне, а я ей. Ссылка, знаете ли, к дисциплине приучает быстро. И почему бы и не помочь супруге? Однажды я услышал, что к чаю нет хлеба, и возмутился:

– Ну, уж за хлебом это я пойду! Почему ты, Надя, мне раньше этого не сказала? Должен же я принимать участие в хозяйстве…

А бедняжка Надежда Константиновна так не хотела меня отвлекать от работы, что с ног бы сама валилась, а все сама бы выполнила и по дому и мне помогла.

У меня также сердечные отношения сложились и с матерью Нади – Елизаветой Васильевной. Мне приятно было для обеих этих женщин делать хоть сколько-нибудь полезные вещи. Жена все время вспоминала такой случай: «Раз как-то сидит мать унылая. Была она отчаянной курильщицей, а тут забыла купить папирос, а был праздник, нигде нельзя было достать табаку. Увидал это Володя. «Эка беда, сейчас я достану», – и пошел разыскивать папиросы по кафе, отыскал, принес матери». Пустяк скажите? А ведь из таких вот «пустяков» вся жизнь складывается! Так наши близкие видят нашу заботу о них. В таких, казалось бы, простых и незамысловатых проявлениях.

А с нашей кочевой жизнью, с ссылками да переездами только такой малостью и можно было сердца родных теплом наполнять. По чуть-чуть, по капле пока возможность предоставляется.

Что же касается Арманд, то о нашей близкой дружбе с Инессой ходило множество толков. Но я всегда считал, что эта тема должна быть запретной для общественности.

Конечно, я не мог не обратить внимания на дочь оперного певца, француженку по происхождению, выросшую в России, и просто ослепительно красивую женщину, которая была настоящей бунтаркой в душе. Уж слишком яркой, темпераментной и необычной она была! К моменту нашего знакомства у нее родились уже пятеро детей. И она была вполне состоявшейся особой.

Женщины-революционерки обычно считали «хорошим тоном» избегать украшений, духов, и вообще выражать пренебрежение к своей женственности. Инесса же напротив – ярко выделялась среди них своей красотой и обаянием. Мы тогда шутили, что ее стоит включить в учебники по марксизму как образец единства формы и содержания…

В письме ко мне в 1913 году Инесса кратко описывала историю наших личных отношений, начавшихся в Париже. И вначале это действительно были просто товарищеские и дружеские отношения – «без поцелуев».

«Я тогда совсем не была влюблена в тебя, – писала мне Арманд, – но и тогда я тебя очень любила… Много было

хорошего в Париже и в отношениях с Н. К. (Надеждой Константиновной). В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала особенно дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и нежность. В Париже я очень любила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сядешь около ее стола – сначала говоришь о делах, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее. Тебя я в то время боялась пуще огня. Только в Longiumeau (Лонжюмо) и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе…»

Тогда я ничего этого не замечал. И узнал о ее переживаниях и раздумьях только в 1913 году из этого письма. Наши отношения перерастали в нечто большее настолько постепенно, что я и не замечал, как прочно переплетаются судьбы – моя, Инессы и Наденьки. Хотя, когда Инесса была рядом, я каждый раз ощущал сильный энергетический импульс – словно разряд электричества меня прошибал при виде этой женщины.

В Париже мы с Арманд часто бывали вместе в кафе на авеню д'Орлеан. И много часов разговаривали там о наших общих делах, и я не спускал глаз с этой милой француженки.

Жена как-то вспоминала, как мы втроем проводили время в Кракове в 1913 году: «Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса. Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять. Зиновьев и Каменев прозвали нас «партией прогулистов». Ходили на край города, на луг (луг по-польски – блонь). Инесса даже псевдоним себе с этих пор взяла – Блонина».

Инесса сумела расположить к себе даже Надежду. Но жена видела, что чем больше мы проводим времени друг с другом – тем интимнее отношения между нами. Но моя Наденька была умна и долгое время не закатывала мне ни одного скандала.

Инесса же умело пользовалась нашим расположением к ней и в какой-то момент стала настолько близка, что в пылу разговора позволила себе поцеловать меня. Ее страстные, мягкие губы так жадно целовали меня, что я даже не смог отстранится. А потом она опустилась на колени и прижала мои руки к своим губам. И так повторялось бесчисленное множество раз, когда мы оставались наедине. Я не мог противиться своему влечению. Но и не мог ответить ей взаимностью. Но она так была страстна, что, казалось, не замечала моей некой инфантильности и даже робости. Она все была готова сделать сама.

Вот тогда-то и произошел взрыв. Надежда Константиновна не смогла больше терпеть и закрывать глаза на очевидные вещи. И в

какой-то момент она хотела «самоустраниться», но я не допустил этого. Я упросил ее остаться.

Уже тогда я знал, что скоро нашему любовному треугольнику придет конец. И я сочту невозможным разрываться дальше между двумя женщинами и сам стану катализатором разрыва с Инессой.

Но до этого момента пройдет еще немало времени. И мне до сих пор совестно, что я так терзал сердце во-первых, Наденьки, а во-вторых, Инессы.

Обе они не заслужили такого моего отношения. Наверное, я не ценил их заботу и любовь, настолько, насколько это было нужно.

Но так уж устроен человек: «Что имеем, не храним, а, потерявши, плачем»…

Глава 6. Бунтарка по крови

Я, Инесса Елизавета Стеффен, дочь оперного певца и актрисы, родилась 8 мая 1874 года в Париже. Осиротев в 15 лет, я переехала в Москву к тетке, которая работала гувернанткой в семье обрусевших французов Армандов, богатых промышленников.

Торговый дом «Евгений Арманд и сыновья» владел крупной фабрикой в Пушкине, на которой 1200 рабочих производили шерстяные ткани на 900 тысяч рублей в год – огромная сумма по нашим временам. Кроме того, почетный гражданин и мануфактур-советник Евгений Арманд имел, помимо этого, еще несколько хороших источников дохода.

Взрослея, я все активнее стала обращать свое внимание на Александра Арманда, сына хозяев. Но молодой человек относился ко мне как к бедной приживалке или как к предмету мебели. Днем он изучал биржевые сводки и читал книги по экономике, а по вечерам, не говоря никому ни слова, уходил в неизвестном направлении. Тогда я догадалась: у Александра было какое-то увлечение на стороне. Невнимание со стороны объекта воздыханий и наличие конкурентки лишь раззадоривало меня.

Устроив в отсутствие Александра обыск в его комнате, я нашла письма интимного содержания, полученные им от одной замужней высокопоставленной особы. И когда Александр вернулся, я поставила ему условие: либо о письмах узнает вся Москва, что навеки опозорит семью Армандов, либо он тотчас же объявляет о нашей помолвке. По нравственным законам нашего времени, выбора у Александра не оставалось.

Так уж было, видимо, предназначено судьбой, что мы, сестры Стеффен, стали носить фамилию Арманд, выйдя замуж за сыновей Евгения Евгеньевича Арманда, я в 19 лет – за Александра, а Рене – за Николая. Финансовое положение семьи позволяло нам ни в чем себе не отказывать. И мы были абсолютно счастливы!

Семейство Армандов было весьма прогрессивно настроено, наверное, сказывалась вольнолюбивая французская кровь. В их доме скрывались от преследований полиции революционеры. Мне подобная обстановка пришлась очень по душе, я чрезвычайно увлеклась идеями «свободы, равенства и братства», особенно меня волновала «свобода» женщин. Я всегда мечтала о равноправии.

Буквально через год после свадьбы я родила Александру сына, и вскоре забеременела вновь… И, как это не парадоксально,

из равнодушного и неприступного Александр постепенно превратился в покорного мужа и любящего отца, проводившего со мной, его женой, и к тому времени уже четырьмя нашими детьми почти круглые сутки. Такой ручной и податливый супруг мне быстро стал не интересен. Хотя почему быстро? Мы прожили вместе 9 долгих лет!

И эта жизнь меня изменила! В ней было все – богатство, любовь, преклонение, обожание, интересное общество… И – благотворительность. Я всегда хотела помогать другим! Постепенно я разочаровалась в своем «вероисповедании» – и англиканском, и православном. Зреющее стремление к настоящей жизни, жажда настоящей работы и помощи неимущим, тяжелый быт которых проходил прямо перед моими глазами – это были рабочие армандовской мануфактуры. У меня появился интерес к преподаванию в воскресных школах. Затем я стала – председателем московского «Общества по улучшению участи женщин». Я хотела, чтобы у всех были равные права и главное – право выбора – с кем жить, где работать. Мною была попытка издавать – на благотворительных началах – печатное издание, посвященное вопросам улучшения условий жизни неимущих… Я часто бывала заграницей, узнавала много нового о тамошней жизни, во мне пробудился интерес к философской литературе, к текущей политике, к социальным проблемам. Я медленно, но верно вступила на путь, ведущий к профессии революционера.

Охладев к Александру, я бросила мужа, и, оставив ему детей, переключилась на его младшего брата Владимира. Мне тогда было 28, Владимиру – всего лишь 17. Юноша сдался быстро, но, насытившись молодым и горячим любовником и родив от него еще одного ребенка, я не стала разрывать с ним отношения. Наш, на первый взгляд, банальный адюльтер перерос в тесное сотрудничество, ибо Владимир, будучи убежденным социал-демократом, нравился мне своими принципами и взглядами на жизнь. Между тем, Александр слезно умолял меня вернуться, присылал письма с вложенными фотографиями наших подрастающих детей, но я конверты отправляла обратно, даже не вскрывая их. Просто смотрела на свет и, видя, что там очередное фото, бросала их в ящик стола, а затем при случае отправляла обратно.

Как у многих профессиональных революционеров, у меня имелось несколько имен, не считая псевдонимов. В разное время, а иногда и одновременно меня звали Elisabeth P cheux d'Herbenville или Inessa St phane, а позже – Armand или In s Elisabeth Armand. Дело, однако, не только в революции. Просто у меня, родившейся в Париже, родители принадлежали, как я уже

говорила, к творческой богеме. А в этой среде, как и у революционеров, в ходу были псевдонимы и прозвища. Словом, привычка к прозвищам у меня была в крови.

Володя был рядом со мной – благоговейно следующий по всем этапам нашей скитальческой жизни. Пять лет счастья оборвались его трагической болезнью и ранней смертью… Перед этим я опять попала в ссылку, он по состоянию здоровья не смог быть рядом, но я сумела сбежать – сначала в Петербург, а затем – в Швейцарию, к нему в туберкулезный санаторий, – и смогла побыть подле него несколько последних дней… Потом было трудно, но я преодолела этот страшный удар и неизбывное личное горе. Непоправимая потеря… С ним было связано все мое личное счастье. А без личного счастья человеку прожить очень трудно. Физическое влечение часто не связано с сердечной любовью, и в моей жизни эти два чувства совпали, наверное, всего лишь раз. Я имею ввиду Владимира.

На протяжении многих лет каждый час, каждый день моей жизни моей были расписаны буквально по минутам. На каждом шагу меня подстерегала опасность. Но я не теряла времени ни в тюрьмах, ни в ссылках, ни в эмиграции. В пору тяжкой реакции, безвременья, предательств и уныния, пору мезенской ссылки, мою энергию было не победить! В ссылках я говорила себе: терпение и бодрость! После блестящей, интересной деятельности перейдем к мелкой, серенькой, кротовой работе – большой вопрос, какая из них окажется плодотворнее. Но у меня и «кротовая» работа превращалась в «блестящую, интересную деятельность».

Скажу про себя прямо – жизнь и многие жизненные передряга, которые пришлось пережить, мне доказали, что я – сильная, доказали это много раз, и теперь я это знаю наверняка. Но мне часто говорили, да и до сих пор еще говорят: «Когда мы с вами познакомились, вы нам казались такой мягкой, хрупкой и слабой, а вы, оказывается, железная леди». Да, конечно, внешние и поверхностные впечатления посторонних людей не играют никакой роли и не имеют никакой цены, но мне интересно – неужели на самом деле каждый сильный человек должен быть непременно жандармом, лишенным всякой мягкости?! По-моему, это «ниоткуда не вытекает» – выражение одного моего хорошего знакомого. Наоборот, в женственности и мягкости есть обаяние, которое тоже – сила.

Чтобы забыться в октябре 1909 после года напряженнейшей учебы в Брюссельском Новом университете я выдержала экзамен и получила диплом, в котором была указана ученая степень – лиценциат экономических наук. И почти сразу отправилась в Париж, где меня ждала моя новая жизнь.

Здесь я познакомилась с новыми людьми – прекрасными и полными правильных идей. Здесь женщины считали также как и я, что наше время отличается отсутствием «искусства любви»; люди абсолютно, не умеют поддерживать светлые, ясные, окрыленные отношения, не знают цены «эротической дружбы». Любовь для них – либо трагедия, раздирающая душу, либо пошлый водевиль. Надо вывести человечество из этого тупика, надо научить людей светлым, ясным и не обременяющим переживаниям. Только пройдя школу «эротической дружбы», психика человека станет способна воспринять «великую любовь», очищенную от ее темных сторон.

Без любви человечество почувствовало бы себя обокраденным, обделенным, нищим. Нет никакого сомнения, что любовь станет культом будущего человечества.

Здесь я почувствовала, что могу быть самой собой. И меня не осудят.

Именно здесь я встретила его. Имя Владимир – вообще для меня знаковое. Меня захватила большая любовь к вождю большевиков. Став «подругой Ленина», я осознано приняла правила игры на «троих» и смогла проявить дружеские чувства даже к жене любимого человека. Но и Надежда Крупская отвечала мне взаимной симпатией. Женщине, которая откровенно нравилась ее мужу, и она была в курсе наших отношений…

Очень скоро я стала правой рукой Владимира. Я переводила его книги и статьи, разъезжала с его заданиями по Европе. Втроем – я, Ленин и Надежда Константиновна – мы организовали школу в Лонжюмо. В этой школе учились не дети – школа была партийной. Я взяла на себя руководство, а педагогами стали Крупская, Ленин, Луначарский, Роза Люксембург. Мне кажется именно партийное образование и сблизило Владимира со мной окончательно – именно в Лонжюмо мы стали впервые так близки.

Но увидев, что Владимир слишком увлекся мной, – он стал часами пропадать со мной наедине, или надолго уходил гулять со мной из дома в лес, – Крупская поставила ультиматум – или она, или я. А он упросил Надежду Константиновну остаться, – я сама умоляла его не бросать меня и вернуться к прежним отношениям, ведь никому не будет хуже, если мы вновь будем все втроем вместе жить и работать на благо нашей общей державы.

Да, страсть и любовь всегда находили меня. Есть две вещи, без которых я не смогу жить ни дня – любовь к Владимиру и революция. Это две части целого, они во мне, они со мной, они – это я…

Глава 7. Революционные мысли

Мои родители вовсе не были революционерами, но мы все, их дети, выросли революционерами. Александр стал террористом-народовольцем, все остальные – социал-демократами, большевиками. И я, бесспорно, этим горжусь.

Мама… знаете, у меня просто святая… Ведь все ее дети, кроме меня, находившегося в эмиграции, сидели за решеткой. А это – тяжкая ноша для одной хрупкой женщины. Но она никогда нас не осуждала. Помню, как мне рассказали такую историю.

Дело было в 1899 году. Мать пришла в столичный департамент полиции с очередным ходатайством за меня. А директор департамента ехидно сказал ей, даже не стесняясь присутствия других посетителей и желая поиздеваться: «Можете гордиться своими детками – одного повесили, и о другом также плачет веревка».

Это было неожиданное оскорбление, но моя мама – Мария Александровна – тут же выпрямилась и ответила: «Да, я горжусь своими детьми!..».

Вряд ли этот так называемый директор ожидал услышать такой ответ от вдовы «штатского генерала»… Конечно, революционеркой мама не была, но даже кое в чем переняла мировоззрение своих детей. В частности, совершенно оставила веру в Бога.

Потому мать моя – женщина сильная, и я уважаю и люблю ее за эту стойкость. Тогда наши революционные взгляды много седых волос ей добавили. Целеустремленность, сосредоточенность, необыкновенная энергия – все это во мне было с детства, но атмосфера, в которой я жил, и воспитание помогли направить все это в одну точку, моей целью стала революция. И, конечно, не малую роль в этом сыграла гибель моего брата Саши – человека, который даже перед лицом смерти не отрекся от своих идей.

Ох уж этот черный 1887 год… Именно тогда участники кружка, в который входил Александр, стали готовить покушение на царя Александра III, приурочив его к 1 марта – годовщине убийства Александра II. В кружке, который назывался «Террористическая фракция «Народной воли», Саша готовил не что-нибудь, а боевые снаряды. Но они почти нисколько не соблюдали тайну в этом вопросе, и о нем тогда быстро узнала полиция. Затем, конечно, последовали аресты и суд. Они решили убить царя, вышли на Невский проспект с бомбами, имевшими форму книг, биноклей и тому подобного, ожидая царского

выезда, но их проследили, царя предупредили, и он в тот день не выезжал, а их схватили, судили и повесили.

Помню, как узнав об аресте брата, я сразу понял, что дело-то серьезное, может плохо кончиться для Саши. Но поступок брата никогда не осуждал. Значит, Саша не мог поступить иначе, значит, он должен был поступить так.

Меня поразила защитная речь брата на суде, когда он заявил: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

Приговор огласили – смертная казнь… Мама тогда сказала, что она удивилась, тому, как хорошо говорил Саша: как убедительно, как красноречиво. Она не думала, что он может говорить так. Но ей было так безумно тяжело слушать его, что она не смогла досидеть до конца его речи и вышла из зала.

Она рассказывала, что на последнем свидании с сыном уговаривала его подать просьбу о помиловании. Но Саша тогда ответил ей: «Представь себе, мама, что двое стоят друг против друга на поединке. В то время как один уже выстрелил в своего противника, он обращается к нему с просьбой не пользоваться в свою очередь оружием. Нет, я не могу поступить так!..». Брат мог попытаться получить пожизненное заключение, но не хотел помилования, ибо без реализации своих целей он не видел свою жизнь.

И в ночь на 8 мая 1887 года брата и четырех его товарищей повесили во дворе Шлиссельбургской крепости. Мне было 17 лет…

Казнь Саши произвела на меня сильнейшее впечатление. В тот страшный день я сорвал со стены карту России и начал топтать ее. Я был приглашен сопереживающими студентами в портерную по кличке «У Лысого», и тогда, может быть, в первый раз в жизни выпил целый стакан водки и решил, что буду мстить за Сашу. Но под местью я понимал не мелкую месть какому-то одному человеку, а нечто гораздо более масштабное. Я ненавидел царя Александра III, отправившего моего брата на виселицу. Вспомнились тогда строфы пушкинской оды «Вольность»:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

Тогда я решил, что мы пойдем другим путем. Не таким путем

надо было идти. Я жалел, что брат слишком дешево отдал свою жизнь…

Все это отложило отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь. И я в тот период времени сильно изменился.

Иногда я думаю о том, когда же умер Владимир Ульянов и родился Владимир Ленин? Все же, наверное, это произошло со мной вскоре после гибели Саши, во время высылки в Кокушкино. Сам псевдоним «Ленин», который я взял себе, появился гораздо позже, но человек, которого все стали именовать так, родился именно там.

И решающую роль сыграли далеко не труды Маркса. С ними я познакомился уже потом, а сочинения Чернышевского. Герой его романа «Что делать?» запал мне в душу и стал для меня неким примером. И в конечном итоге можно сказать, что он перешел в реальную жизнь. Мне после смерти брата нужен был идеал – тот, кто поможет мне преодолеть все сложности на пути к моей цели.

Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику… Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строки, и не один раз… От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве, литературе, и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля, и то, как Чернышевский хлестал буржуазную экономическую науку, – это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу. С особенным интересом и пользой я читал замечательные по глубине мысли обзоры иностранной жизни, писавшиеся Чернышевским. Я читал Чернышевского «с карандашиком» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились. Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант меня покорили… Чернышевский, придавленный цензурой, не мог писать свободно.

О многих взглядах его нужно было догадываться, но, если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, можно было приобрести безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полунамеках. Существуют музыканты, о которых говорят, что у них – абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же был и Чернышевский… В бывших у меня в руках журналах, возможно, находились статьи и о марксизме, например, статьи Михайловского и Жуковского. Не могу сейчас твердо сказать, читал ли я их или нет. Одно только несомненно – до знакомства с первым томом «Капитала» Маркса и книгой Плеханова («Наши разногласия») они не привлекали к себе моего внимания, хотя благодаря статьям Чернышевского я стал интересоваться экономическими вопросами, в особенности тем, как живет русская деревня… До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее влияние имел на меня только Чернышевский, и началось оно с его бессмертного произведения «Что делать?».

Это было любимое произведение брата, стало оно и моим. Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как он должен идти к своей цели, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Я восхищался тем, что Чернышевский умел и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров.

Роман увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Я всегда говорил товарищам по партии, что нужно понять, что настал момент, когда нужно уметь драться не только в фигуральном, не в политическом смысле слова, а в прямом, самом простом, физическом смысле. Время, когда демонстранты выкидывали красное знамя, кричали «Долой самодержавие!» и разбегались, – прошло. Этого мало. Это – приготовительный класс, нужно переходить в высший. От звуков труб иерихонских самодержавие не падет. Нужно начать разрушать его физически массовыми ударами, – понимаете? – физически бить по аппарату всей власти… Это важно. Хамы самодержавия за каждый нанесенный нам физический удар должны получить два, а еще лучше – три, четыре, пять, десять ударов. Не хорошие слова, а это заставит их быть много осторожнее, а когда они будут осторожнее, мы будем действовать смелее. Начнем демонстрации с кулаком и камнем, а, привыкнув

драться, перейдем к средствам более убедительным. Нужно не резонерствовать, как это делают хлюпкие интеллигенты, а научиться по-пролетарски давать в морду, в морду! Нужно и хотеть драться, и уметь драться. Слов мало!

Как всегда, к новому делу – революции – приступали неохотно и неуверенно, можно сказать лениво, как будто чего-то ждали. Я же всегда без устали тормошил и подталкивал к активным действиям своих товарищей. Индивидуальный террор – это порождение интеллигентской слабости – отходит в область прошлого… Бомба перестала быть оружием одиночки-«бомбиста». Теперь ручная бомба – это новый, необходимый вид «народного оружия». Я с ужасом, ей-богу, с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полугода, и ни одной не сделали! Я убеждал товарищей никогда ни в едином деле не медлить: отряды должны вооружаться сами – кто чем может – ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и тому подобное. Даже и без оружия отряды могут сыграть серьезнейшую роль… забираясь наверх домов, в верхние этажи и осыпая войско камнями, обливая кипятком. Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городовых: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч.

Победа? Да для нас дело вовсе не в победе! Пусть знают все товарищи: нам иллюзии не нужны, мы – трезвые реалисты, и пусть никто не воображает, что мы должны обязательно победить! Для этого мы еще очень слабы. Дело вовсе не в победе, а в том, чтобы восстанием потрясти самодержавие и привести в движение широкие массы. А потом уже наше дело будет заключаться в том, чтобы привлечь эти массы к себе! Вот в чем вся суть! Дело в восстании как таковом! А разговоры о том, что «мы не победим», и поэтому не надо восстания, – это разговоры трусов! Ну, а с ними нам не по пути!

Глава 8. Свободные взгляды

Явсегда считала, что женщины подвергаются двойному гнету – дома и в социуме, потому я призывала исправить положение революционным путем, а затем утвердить равные права полов в директивном порядке.

На фоне бурно развивающегося феминизма и социализма мое пламенное красноречие возымело свое действие, и было оценено по достоинству. Я стала весьма популярной пропагандисткой и часто меня просили читать лекции на эту тему. Я думаю, что для современной женщины семья – тюрьма, роль матери и жены – мелковата, и единственное достойное занятие в жизни – профессиональное построение светлого будущего.

Но не стоит полагать, что моя позиция в женском вопросе имела только теоретическую составляющую, в моей жизни хватало и практического опыта. Ратуя за равноправие, я всегда жила, не стесняя себя лишними ограничениями. Отличное образованнее, популярность, экспрессивность позволяли мне всегда окружать себя массой поклонников. И я не видела ни малейшего повода подчиняться кому-либо или чему-либо. И даже не думала подчиняться общепринятым канонам. Я эпатировала революционную публику своим шикарным видом, шокировала поведением, раздражала независимым нравом.

Светски элегантная, кокетливая, непокорная, самобытная, непредсказуемая, я всегда старалась жить в свое удовольствие, где бы не находилась, – хоть в ссылке, хоть в прекрасно обставленной квартире в Париже. Я не выставляла напоказ всю себя вкупе со своими романами и адюльтерами, но и не делала из этого тайну. Я свободна, и мне нечего стыдится.

Я утверждала и утверждаю сейчас – можно быть хорошим коммунистом и в красивой одежде! А также пользуясь пудрой и французской помадой, и я пришла в революцию, чтобы бороться с бедностью. С бедностью, а не с богатством! Чувствуете ли вы разницу? И я никогда не изменяла себе. В шикарных французских платьях я призывала заводских работниц бороться за повышение заработной платы и повела за собой демонстрацию.

Возможно, я бываю спонтанной бунтаркой. Но для меня любые правила – лишь повод их нарушить. Конец 19-го века в Российской империи было временем низвергателей устоев. Однако революционеры всех мастей и форматов в основном боролись с социальными институциями. Личные же табу и стереотипы подвергали обструкции немногие, среди таких единиц я по праву занимала ведущее место. Я не только сама

попирала общественную мораль, но и призывала к тому же других.

В нынешнем обществе женщина занимает второе место. На первом месте выступает мужчина, потом – она. Брак должен быть союзом, в который вступают два человека по взаимной любви и никак иначе.

Но что же происходит сейчас? Брак представляет одну сторону интимной жизни буржуазного общества, проституция – другую. Брак – лицевая сторона медали, проституция – оборотная. Если мужчины не находят удовлетворения в браке, они обыкновенно ищут его в проституции. И если мужчина по какой бы то ни было причине отказывается от брака, то он также обыкновенно ищет удовлетворения в проституции. Мужчинам, живущим вне брака по своему желанию или по необходимости, точно так же как и мужчинам, вступившим в брак, но обманувшимся в своих ожиданиях, гораздо легче, чем женщинам, удовлетворить свою половую потребность.

Мужчины всегда относились к проституции как к привилегии, данной им «по праву». Поэтому они гораздо суровее и строже следят за женщиной и осуждают ее, если она, не будучи проституткой, совершит подобный «проступок». Но что женщина обладает теми же потребностями, как и мужчина, что в известные периоды жизни эти потребности проявляются у нее особенно сильно, это их не смущает. Благодаря своему господствующему положению мужчина заставляет женщину подавлять ее самые сильные потребности и ее общественное положение, и брак ставит в зависимость от ее целомудрия. Зависимость женщины от мужчины нигде не проявляется так ярко и возмутительно, как в этом различном отношении к удовлетворению одной и той же естественной потребности. Такого быть не должно! Женщина сама вправе выбирать, с кем быть, и если ей плохо с тем мужчиной, с которым она находится в этот период времени, и он не удовлетворяет ее потребностей, в том числе, и в постели, она вправе уйти от него, и общество не должно ее осуждать! И уж тем более – делать выводы о ее целомудрии, постель – личное дело каждого.

Свободное желание должно быть во всем, не только в любви, но и в работе, и в образовании. В настоящее время сделано все для того чтобы женский пол в среднем стоял ниже мужского во всем. А в образовании – тем более! Бальзак, отнюдь не друг женщин, утверждал, что «женщина, получившая мужское образование, обладает в действительности самыми блестящими и плодотворными свойствами для обоснования счастья, как своего собственного, так и своего супруга», а Гете, хорошо знавший

женщин и мужчин своего времени, замечал в «Ученических годах Вильгельма Мейстера» («Признания прекрасной души»):

«Высмеивали ученых женщин, не хотели терпеть и образованных, вероятно, потому, что считали невозможным стыдить такое множество невежественных мужчин». Но все это не изменяет того факта, что женщины в общем духовно ставятся позади мужчин. И это различие было неизбежно, ведь женщина есть лишь то, чем ее сделал ее повелитель – мужчина. На образование женщины с давних пор обращали еще меньше внимания, чем на образование крестьян, и то, что сделано, в настоящее время недостаточно. Мы живем в эпоху, когда потребность в обмене и мыслями, и идеями растет во всех кругах, и пренебрежительное отношение к духовному развитию женщины представляет крупную ошибку, от которой страдает и сам мужчина.

И было бы очень полезно, если бы женщина вместо излишней чувствительности, которая иногда дает себя чувствовать слишком сильно, обладала хорошей порцией холодного рассудка и точного мышления, вместо нервной раздражительности и пугливости – твердостью характера и физическим мужеством вместо эстетического развития, насколько она вообще им обладает, – знанием мира, людей, сил природы и себя самой.

Но общество – против новшеств и против образования женщин. Хотя во многих странах женщины могут образовываться наравне с мужчинами. Но только в России до сих пор это находится в зародышевом состоянии. Не надобно чтобы слабый пол вдруг оказался выше сильного. Все создано таким образом, чтобы поработить и душу, и тело, и разум женщин.

Такое несправедливое положение женщины очевидно, и всякий, кто не слеп, должен это видеть, тем не менее ежедневно приходится слышать болтовню об «естественном назначении женщины», указывающую ей на домашнюю жизнь и семью. Подобные разговоры громче всего ведутся там, где женщина пытается добиться занятий высшего рода, например, в области высшего преподавания и управления, медицине, по юридической части, естественным наукам и так далее. Выискиваются самые смехотворные возражения, и они отстаиваются с ученым видом. И для защиты самых абсурдных и нелепых вещей господа, мнящие себя учеными, ссылаются здесь, как во многом другом, на науку. Их главным козырем является утверждение, что женщина по умственным способностям ниже мужчины и в умственной области ничего значительного создать не может.

Везде женщину сегодня ожидают несправедливые препятствия. В чем бы она ни хотела себя найти, везде общество

найдет кучу запретов и унижений для нее.

Даже возьмем, к примеру, работающих сейчас женщин. Установлено, женский труд вообще оплачивается хуже труда мужского даже и там, где женщина выполняет одинаковую с мужчиной работу. В этом отношении предприниматель не отличается ни от государства, ни от общины. Так, женщины, служащие на железной дороге и на почте, за одинаковую работу с мужчинами оплачиваются хуже, чем мужчины; учительницы оплачиваются во всякой общине хуже, чем учителя. Причины этому следующие: якобы у женщины меньше потребностей, а главное – она беспомощнее.

Хотя такие утверждения абсолютно абсурдны! Многие дамы будут посильнее и поумнее большинства мужчин. Но им не дают доказать это, запирая в рамки общепринятых норм.

Но женщина, подобно мужчине, должна быть полезным и равноправным членом общества, наравне с мужчиной она должна иметь возможность вполне развивать свои физические и умственные способности и, выполняя свой долг, должна требовать признания и своих прав. Свободная и равная мужчине, она будет охранена от унижающих ее требований.

Современное развитие все больше толкает общество к такому порядку вещей. Большие и тяжелые недостатки нашего общества вызывают необходимость установления нового строя. И я буду повторять снова и снова, что свобода – это право выбора во всем! Я буду добиваться того, чтобы женщины видели свои возможности, и главное – могли ими воспользоваться.

Нельзя проживать свою жизнь, изменяя себе, своим внутренним стремлениям и желаниям. И никакие нормы не могут запретить женщине делать то, что она хочет, особенно, если эти нормы принадлежат обществу, которое изо дня в день не идет в ногу со временем, а уходит к истокам пещерной жизни. Я своим примером – многодетной мамы, женщины и занятого любимым делом человека – докажу, что «слабый пол» носит такое название только потому, что общество его ослабляет! И не дает ему выйти из-под гнета устаревших догм!

Вспомните слова Маркса: ни одно животное, а тем более – разумное существо не появляется на свет в цепях. Это значит, что свобода есть родовая сущность всего духовного бытия, в силу чего человечески хорошим может быть лишь то, что является осуществлением свободы. Опасность, угрожающая каждому человеку, заключается в утрате им самого себя. Отсутствие свободы представляет собой смертельную опасность для человека.

Свобода не есть особое свойство или особое право человека –

это его истинное существо. К свободе относится не только то, чем я живу, но также и то, как я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно.

В противном случае архитектор отличался бы от бобра лишь тем, что бобр – это архитектор, покрытый шкурой, а архитектор – это бобр, не имеющий шкуры. Так и в человеческой среде свобода во всем есть путь к светлому будущему! Выстроенному по новым правилам новой России!

Глава 9. Обиды и непонимание

Когда наши отношения с Инессой переросли в более интимные?.. Как это всегда бывает у женщин, она стала просить большего. Ей уже не хватало того, что мы проводим много времени вместе. Я не совсем понимал, как на это реагировать. Наверное, я сам виноват в том, что позволил ей устраивать мне сцены, но прошу понять и меня – я увлекся и очаровался этой женщиной.

Лев Троцкий всегда посмеивался надо мной, говоря: «Ты не знаешь безразличного отношения к людям… Нередко в подлинном смысле слова влюбляешься в людей». Он в таких случаях дразнил меня: «Знаю, знаю, у вас новый роман». Я сам всегда знал об этой своей черте и смеялся в ответ чуть-чуть конфузливо, чуть-чуть сердито. Даже Наденька отмечала что: «у меня постоянно бывали такие полосы увлечения людьми. Подметишь в человеке какую-нибудь ценную черту – и вцепишься в нее».

Это все мой характер – уж больно я увлекающийся человек, – и я всегда предпочитал общаться с такими же родственными мне натурами. Не мог я долго общаться в личном плане с такими товарищами, которые вроде очень хороши, то есть честны и полезны партии как революционеры, но беда у них есть, хотя это уже относится к области личных качеств, что скучны, они словно филины, и смеются раз в год, да и то неизвестно по какому поводу. Я чурался скучных, мрачных и бесстрастных людей… Если можно так выразиться, я любил страстных (вернее, пристрастных) и веселых революционеров. И в тесном дружеском кругу я немедленно становился душою всего общества. Именно около меня слышались самые страстные речи и наиболее веселый смех. Я старался быть центром всеобщего веселья. Друзья говорили, что мой юмор, жизнерадостность, клокочущая энергия проявлялись даже когда я отдыхал; вокруг меня стоял стон от смеха. Да, я хотел, чтобы люди могли и от души повеселится, разнообразить свой досуг.

Именно поэтому мне нравились натуры разносторонние и страстные. Инесса меня увлекла, влюбила в себя. А затем начала укорять:

– Ты стал проводить много времени с супругой, а про меня забыл! – говорила она со слезами на глазах.

– Как можно забыть про тебя?! У меня как всегда много работы, ты же знаешь, а Надя – она всегда возле меня и помогает как обычно.

– Нет, все не так, как обычно! Мы больше не так близки, ты как будто отдаляешься от меня. Это из-за того, быть может, что Надежда Константиновна грозилась уйти от тебя? Скажи мне правду!

– С супругой мы все выяснили. И это наше дело, ты в него налезь. Надежда все поняла и не собирается уходить. Дело только в том, что работы слишком много. Ты сама пропадаешь день и ночь на собраниях.

– Все не то, что ты говоришь! – почти расплакавшись, сказала Инесса и, подойдя ко мне, села на пол подле моих ног, кладя свою голову мне на колени. Я машинально провел по ее волосам пальцами – мягкие и нежные, они были так приятны на ощупь, что не хотелось убирать руку… Я посмотрел на нее, она подняла голову и тоже взглянула на меня. Длинные косы уложены в пышную прическу, открыты маленькие уши, чистый, резко очерченный лоб и зеленоватые, удивительные глаза.

Она была необыкновенно хороша! Это какое-то чудо! Ее обаяния никто не выдерживал, даже я. Своим очарованием, естественностью, манерой общаться Инесса выжигала пространство вокруг себя. Все переставало существовать, когда появлялась она. Но как, как объяснить ей, что ее вольнодумные поступки и убеждения коробят меня? Да, я был не против равноправия женщин, но это не значило, что я за то, чтобы они были полигамны и рушили институт брака! А как показывала предыдущая жизнь Инессы, в ней было столько хаоса и сумбура… И меня смущал тот факт, как просто она оставила своих детей.

Сейчас у меня как будто было две женщины рядом. Две полные противоположности. Надежда Константиновна – скромна, сдержана и даже где-то застенчива, Инесса – влюбчива и ветрена. С супругой у нас не имелось детей, она не умела готовить и вместо шумных компаний предпочитала уединение, а по обыкновению бесконечные гости ее всегда утомляли. Хотя как сами понимаете, наш образ жизни не позволял надолго оставаться в уединении. Инесса же имела пятерых детей от двух, если можно так выразиться мужей, пару любовников, прекрасно готовила, вела домашнее хозяйство и при этом мгновенно становилась душой любого общества. С Наденькой мне было спокойно, уютно, но бывало и скучно – ведь мы знали о друг друге абсолютно все. С Инессой мне открылся неведомый мир страсти во всех ее проявлениях.

И мои романтические чувства к Инессе не мешали нам совершенно в нашем главном деле – деле революции. Я помню, как просил Арманд отправится в Брюссель, и она не отказала мне:

«В целях установления единства 11-ти организаций РСДРП

всех направлений необходимо дать бой ликвидаторам и их союзникам на международной объединительной конференции в Брюсселе. Крайне важно основной доклад прочитать с толком. Для чего необходим прекрасный французский. Прекрасный! Кроме тебя, никого нет. Изо всех сил прошу согласиться хотя бы для прочтения доклада. Старших детей легко можно на три дня оставить, младшего Андрюшу возьми с собой. Ты знаешь, по тактическим соображениям я в Брюссель не поеду. Все очень будут злиться, захотят отомстить тебе. Но я уверен, что ты покажешь свои коготки. Заранее восторгаюсь, как они нарвутся, публично встретив спокойный и немного презрительный твой ответ… Я вполне уверен, что ты одержишь победу. Я забыл о денежном вопросе. Оплатим письма, телеграммы (пожалуйста, телеграфируй чаще), и гостиницу, и железнодорожные расходы и т. д. Помни об этом».

Я очень ценил это в Инессе, что она могла разделить рабочие моменты и наши личные. Но, конечно, я не ждал, что Надя будет все время спокойно относиться к нашему треугольнику.

Но свое раздражение супруга держала при себе. Встречала Инессу по-прежнему радостно, как добрую подругу. И нервные срывы, которые, очевидно, бывали, она, как я выяснил, доверяла все переживания только своему дневнику:

«Эта крашеная сука смогла переспорить Ильича в вопросах о тред-юнионах, и он изменил позицию! Немыслимо!». Вот что я однажды прочел в ее дневнике, когда Надя случайно забыла его на столе в гостиной. Вот что она на самом деле думала об Инессе, и далее следовало еще много не слишком лестных слов об Арманд.

Я долго думал о разговоре с Инессой, в тот день она сначала поставила меня перед выбором – либо она, либо Надежда – и через минуту уже жарко шептала мне на ухо, что от свободных отношений между нами втроем никто не будет страдать! И все будут счастливы.

Тогда я даже задумался, а возможны ли такие отношения? Наверное, если бы я и Надежа Константиновна абсолютно разделяли точку зрения Арманд, мы бы вполне могли быть счастливы. Но мы всегда с интересом обсуждали проблемы свободной любви. Ведь эта тема волновала Инессу всегда – Арманд провозглашала настоящую любовь вне брака и отрицала лживые отношения двух людей, связанных лишь церковным обетом. Но, мы, тем не менее, не считали, что нужно рушить институт брака, – все-таки не стоит забывать о том, что с Надеждой мы вступили в законные отношения по обоюдному желанию. И никто и ничто нас к этому не принуждал. И уж я

точно был против полигамии, по крайней мере, в той форме, о которой с такой горячностью и даже, я бы сказал – некоторой долей безумия, местами перебарщивая, говорила Инесса.

В тот день я разругался с Арманд, и она уехала из нашего дома, опечаленная и заплаканная. А поздним вечером меня уже ждал неприятный разговор с супругой.

– Знаешь, я видела, как Инесса вся в слезах выбежала из дома… – начала Надя, – и мне кажется, я понимаю ее. Так не может продолжаться постоянно. Я вижу, ты влюблен в нее и одержим ею. Энергия, общность взглядов и красота Инессы пленили тебя. И я не хочу мешать твоему счастью.

– Надя, прекрати немедленно! О каком «счастье» ты говоришь?! – я даже разозлился на супругу, потому что уж такой глупости от нее не ожидал. – Как ты можешь такое про меня думать?! Да, Инесса отличный товарищ и она близка мне, но не до такой же степени…

– Не до такой же степени? – передразнила она меня. – Ты совсем меня за дуру принимаешь?! Уважай меня хотя бы, раз я терплю все, что происходит у меня за спиной! Я держу все в себе, потому что не хочу, чтобы перед важными событиями ты растрачивал себя на семейные дрязги! Но не смей мне нагло врать!

Я смотрел на свою супругу и не верил своим глазам. Первый раз я видел Надю в таком состоянии. Руки ее тряслись, а глаза метали молнии. И, наверное, если бы она могла меня убить одним только взглядом, она бы это сделала.

– Надя, – сказал я неожиданно спокойным голосом, – я не могу сейчас бросить Инессу.

– Тогда уйду я, – она развернулась и вышла вон из комнаты. И я слышал, как жена быстрым и уверенным шагом вошла к себе в спальню и заперла дверь на ключ.

В этот момент я понял, что она уйдет. Обязательно уйдет. Мы прожили с Надей достаточное количество времени, чтобы я даже по походке мог с точностью сказать какое у нее настроение, а сегодняшнее ее решение будет приведено в исполнение – это абсолютно ясно.

Я не мог бросить Инессу и не мог допустить, чтобы главная женщина всей моей жизни собрала чемоданы и покинула меня. Без Наденьки я не представлял себя. Мне страшно было даже подумать о том, что утром я не услышу ее голоса, не увижу ее глаз, не смогу подойти и обнять ее. Она – мой самый близкий и дорогой человек. Но Инесса… Я тоже не могу ее отпустить. Возможно, это будет звучать банально или слишком эфемерно но, когда ты видишь, с каким жаром смотрит на тебя эта женщина, то

ощущаешь себя всемогущим, одним только взглядом она дает мне силы двигаться дальше. А ее преданность?! Я мало кому верю в этой жизни, ибо вся она связана с политикой, а там – много прохвостов и подхалимов, которые только прячут свои гнилые души за маской революции. Но они постепенно сами выявляют себя и исчезают.

Но Инессе я поверил почти сразу, а это бесценно. Я знаю точно – она никогда не предаст…

Глава 10. Компромисс

Яготова была рвать на себе волосы. Зачем?! Зачем я затеяла этот дурацкий разговор?! Я поступила как ревнивая истеричка!

Но он сам виноват – уж слишком часто он стал отсылать меня от себя по разного рода партийным делам. Я уже и так объездила половину Европы. И все это из-за Крупской, я уверена! Он, возможно, даже боится ее. Однажды я стала свидетелем такой сцены, что после нее поняла – Крупская далеко не так проста, как кажется на первый взгляд.

В тот день мы много гуляли, и Владимир почти не появлялся дома. А когда вернулись, он получил в свой адрес от «тихой» супруги такой шквал ругательств, что был даже не в силах ее остановить! Владимиру пришлось побыстрее уйти от своей Надежды; он ретировался – от греха подальше… Его не было целых несколько дней в их доме – видимо Володя не желал ругаться с женой и давал ей время успокоится. А мне тогда припомнилась старая поговорка: «В тихом омуте черти водятся». Вот и Надежда Константиновна, видимо, из таких – вроде тихая, незаметная, очень работоспособная, схватывающая все всегда с полуслова…

Я видела, как Ленин тихонечко пробрался в дом, все еще опасаясь гнева жены, и, войдя в гостиную, заметил, что она дремлет на кушетке. Володя осторожно присел на краешек стула и тихим, извиняющимся шепотом позвал:

– Наденька… Наденька… – и дальше начал что-то лепетать оправдательное.

Вся его поза говорила о том, что он приготовился убежать в любой момент. Ему явно не хотелось конфликтовать с Надеждой Константиновной.

Надежда не спала, а лишь дремала. Буквально через минуту, когда ей надоело слушать то, что ей говорит муж, она открыла глаза и неожиданно ловким и резким движением ухватила Владимира за запястье, и с невесть откуда взявшейся силой вдруг стащила его со стула и притянула близко к своему лицу. Пристально посмотрела ему в глаза и еле слышно на немецком сказала:

– Испугался? – И добавила по-русски: – Не бойся, не трону, а надоест – убью.

Я тогда поняла, что Надежда – совсем другая. Она на самом деле – серый кардинал. Отличный психолог, способный управлять не только собственным мужем, ни и сотнями людей. Почему я раньше не замечала, что Владимир был, можно сказать, в полной

зависимости от этой женщины?.. Да о ее способностях скрытого психологического управления можно было бы судить по тому, что она – непревзойденный конспиратор.

Ведь это именно она мастерски осуществляла конспиративную переписку с Россией, тщательно оберегала ее тайну, учила тому же своих далеких корреспондентов. Полицейские преследования, негласная цензура «черных кабинетов» определили своеобразие… переписки. Письма были «химические» – писались молоком, лимонным соком, специальными составами. Наиболее важные сведения – адреса для переписки, явок, присылки литературы, фамилии, названия произведений, которые служили ключами, и так далее – шифровались. Подготовка такого письма требовала большого труда. Следовало написать конспиративный текст и подчеркнуть в нем подлежащие шифровке слова и фразы; выписать их на отдельный листок и зашифровать; составить какое-нибудь безобидное письмо; между строк последнего вписать «химией» конспиративный текст с уже зашифрованными местами и, наконец, уничтожить листок, на котором производилась шифровка. Симпатические чернила, высыхая, не оставляли на бумаге видимых следов. Только посвященный владел секретом тайнописи и знал, что для прочтения полученного письма его следовало «проявить», то есть прогреть или обработать специальным составом, после чего между строк «явного» письма проступали коричневатые буквы скрытого текста. Тайнопись постоянно усовершенствовалась. Химические тексты стали вписываться между строк газет, журналов и книг. Крупская была непревзойденным мастером по составлению «тайных» писем. Этому искусству она терпеливо обучала российских корреспондентов «Искры».

Она также непревзойденно умела не только составлять тайные письма, но и манипулировать Лениным.

Как я не замечала этого? Раньше я почему-то воспринимала все через призму видения Владимира своей супруги. Как сейчас помню, как довольно он рассказывал мне: «Сегодняшний весенний, солнечный, сухой и теплый день мы использовали с Надей для великолепной утренней прогулки в Булонский лес. Вообще на праздниках мы «загуляли» – были в музеях, в театре, посетили Мюзе Огелпп, которым я остался очень, очень доволен. Собираюсь и сегодня в один увеселительный кабачок на goguette revolutionnaire (революционные песенки, куплеты)». И все в том же духе – ни одного грубого или нелестного слова о жене даже наедине со мной. Вот я и не заметила, как она впилась и в меня своими ногтями и подмяла под себя.

Я теперь совсем по-другому посмотрела на нее и ее отношение ко мне. Мне стало казаться, что она считает меня всего лишь авантюристкой, которой все равно, где иметь свою главную роль, – в семейной драме или революции. Хотя я и словом, и делом не раз доказывала, что это не так.

Я вдруг отчетливо ощутила, какой авторитарий – Надежда Константиновна, и насколько все мы у нее под каблуком. Но что мне оставалось? Если бы я попыталась открыть глаза Владимиру на его супругу, ничего бы хорошего из этого не вышло. Он вряд ли бы послушал меня. Ведь Надежда все равно оставалась его самым близким человеком. Тогда я решила принять правила этой странной игры и убедить Ленина, что можно продолжать жить и по-старому.

Я договорилась встретиться с ним на нашем месте в кафе. Когда Владимир пришел, я попросила его не перебивать меня. И, набравшись смелости, выложила ему свое видение наших отношений. Я говорила о том, что нам всем будет хорошо, и что я очень погорячилась, когда попыталась заставить его выбирать, а затем закатила эту нелепую сцену. Я предложила Владимиру оставить все как есть, лишь бы он не прогонял меня! Я сказала, что готова на любые его условия, и что больше, чем есть, мне не нужно. И если необходимо просить Надежду о том, чтобы я также могла приходить в их дом, я была согласна и на это унижение.

– Володя, я люблю тебя, пойми. И мне нет жизни без тебя, без наших совместных дел. Я не могу представить себе этот страшный день, когда ты скажешь, что я больше не нужна тебе! Ты для меня – единственный мужчина, которого я по-настоящему люблю как мужчину и как учителя. Прошу, не отталкивай меня сейчас…

– Инесса, ты знаешь, что я не могу оттолкнуть тебя, ибо ты мне тоже стала очень дорога. Я прошу не вести разговоров с Надей. Это было бы низко и подло – так поступить с тобой и с ней. Но я не знаю, как нам быть. Все зашло слишком далеко.

– Я знаю, Володя, знаю! – тихо сказала я. – Мы не можем вот так расстаться. Это немыслимо. Знаешь, давай ты еще раз поговоришь с Надеждой Константиновной, и если она скажет твердое «нет», мы не станем больше видеться. Но если она ничего подобного не скажет, значит все останется по-прежнему. Она у тебя умница.

– Я, разумеется, поговорю с ней. Хотя все это само по себе выглядит жутким бредом… И я не знаю, что буду делать, если она поставит меня перед выбором – либо ты, либо она…

Я не знаю, о чем они говорили в тот вечер, и что Ленин сказал Крупской, но мы снова стали видеться. И все вернулось на круги своя. А я вновь могла вернутся в дом к Ленину и Крупской

на тихую улочку Мари-Роз. В их маленькую двухкомнатную квартирку с чистой кухней, где за последние несколько произошло лет так много событий в моей жизни. Здесь была и моя боль, и моя любовь, и задушевные разговоры, и работа, работа, бесконечная работа, которая окрыляла меня и дарила мне надежду…

Почему я не стала пытаться вытеснить из жизни Владимира Надю? Или почему я согласилась на такие унизительные условия? Все просто – мне хотелось быть счастливой. И хотелось, чтобы Владимир был тоже счастлив. Я не хотела ставить никому рамок и условий. И если был шанс стать счастливой таким образом, я согласилась, не раздумывая. Да, это не похоже на обычную историю любви с ее канонным «он полюбил ее, а она полюбила его»… Это – наша история, и мы написали ее сами так, как могли в то время.

Те, кто хоть немного интересовался политикой, прекрасно знают, какое огромное влияние оказывают человеческие страсти и эмоции на важные политические решения, причем, не только на государственном, но и на мировом уровне. И всегда нужно помнить, что любовные отношения играют на политической арене такую же огромную роль, как и политические качества того или иного правителя. Самые несерьезные амурные похождения могут не только перетасовать колоду политических постов, но и развязать войну. Кстати, этим нередко пользуются многие деятели: они убирают своих конкурентов, выуживая из их личной жизни какие-нибудь сомнительные факты или раздувая небольшой флирт до мирового скандала. В общем, амурные увлечения политиков – очень мощное оружие их противников, если, конечно, им умело воспользоваться.

И я не могла использовать наши отношения как оружие против любимого мужчины и будущего правителя России. Я не хотела также, чтобы и наши интимные отношения мешали общему делу. Но я знала, что не потеряю Владимира, и что он не отпустит меня. И если Надежда Константиновна действовала психологически расчетливо, то я действовала инстинктивно – по законам природы.

Вы только представьте себе его жизнь: день расписан по минутам, бесконечная череда дел, политические конкуренты наступают на пятки, вокруг плетут интриги, кто-то вечно ищет на него компромат. Он устает – и физически, и психологически, – тут недалеко и до нервного истощения. Но именно в таком измученном состоянии человек и нуждается больше всего в поддержке, в искреннем, бескорыстном отношении и, конечно же, в нежности и ласке. Каждому мужчине, будь он царь, император

или вождь, хочется, чтобы к нему относились просто как к человеку, как к любимому мужчине – единственному и неповторимому.

А я именно так и относилась к Владимиру. Это был, пожалуй, мой главный козырь в этой игре. Тогда еще я и не подозревала, как на самом деле обернутся события, и как я буду страдать. Я жила сегодняшним днем, здесь и сейчас, и больше ни о чем не думала. И я не хотела ничего менять…

Глава 11. Осознание любви

Любовь. О ней написано огромное количество стихов и поэм. Ей посвящены песни и баллады. Ради нее совершались и совершаются самые великие героические поступки, и ради нее люди готовы пойти в огонь и в воду, на смерть и страдания, тем самым еще раз доказывая важность и необходимость любви в нашей жизни.

Но любовь же подразумевает и огромную ответственность. Сегодняшняя проблема людей состоит в том, что в поисках любви, зачастую, они ищут совсем другого – острых ощущений, физического влечения, только внешней привлекательности, популярности или богатства. А разве это правильно? Любить делом и истиной – вот как на самом деле нужно. Это значит быть долготерпеливым и милостивым по отношению к своему возлюбленному; не завидовать, а радоваться его удачам и успехам; не превозноситься, не гордиться своими достижениями в сравнении с его. Любить по-настоящему – значит не искать своей выгоды во взаимоотношениях с любимым человеком, не раздражаться на него, не бесчинствовать – то есть не поступать непристойно, безнравственно, не проявлять неуважения и не подавлять его своим эгоизмом. Любить по-настоящему – значит доверять любимому человеку, покрывать любовью и терпением его недостатки и ошибки и, причем, делать это постоянно.

Но у меня получилось так, что на данный период времени я был влюблен в Инессу, а любил Надежду. После разговора с Арманд в кафе я осознал, насколько она мне важна сейчас. И что бросить ее я не смогу. Найти вторую такую женщину невозможно. Когда я вернулся домой, я застал Надю за тем, что она в который раз собирала чемоданы.

– Надя, подожди, нам нужно объясниться… – начал я.

– Не нужно, все и так ясно. Ты говорил, что все изменится, но ничего не поменялось. Я не из тех женщин, которые могут жить в любовном треугольнике, если это можно так назвать.

– Надя! Услышь меня! Нет, никакого треугольника! Я люблю тебя! – закричал я, не зная как ее остановить.

– Меня? Почему я должна тебе верить? Ты сегодня опять встречался с Инессой. – Надя, казалось, была спокойна как всегда. И если бы не знать происходящей ситуации, то состороны могло показаться, что жена просто собирается в очередную командировку с докладом.

– Это все не то! Прошу, дай мне сказать, и ты все поймешь! – я в отличие от нее срывался на крик, поминутно вскакивал и

ходил по комнате.

– Ну, хорошо, я готова тебя выслушать, если ты считаешь, что ты еще можешь что-то изменить… – Надя села на постель и выжидательно посмотрела на меня.

– Надюша, мы говорили уже с тобой о том, что я быстро влюбляюсь. Но это совсем не та любовь, которой я люблю тебя. Между нами – гораздо больше, чем любовь. Это навсегда, понимаешь? Я все помню, каждый наш день с тобой!

Мы с тобой сознательно отказались от обычных буржуазных отношений в семье, мы всегда воспринимали свой союз в первую очередь и главным образом не только как любовь, но и как сотрудничество ради дела революции. Вообще традиционное понимание брака для нас подразумевало слишком много неправильных для нас как революционеров вещей: традиция, религия, дом и накопительство, покорность жены мужу… Мы были «умнее» своих иностранных товарищей и заменяли брак более свободными отношениями. Но это не значит, что я могу тебе изменять… Это значило то, что мы друг другу доверяем. И знаем то, что не доступно многим, – высшую степень любви.

– Ильич, это все слова! Пустые слова! – устало сказала Надя.

– Нет, это не пустые слова. Я люблю тебя, и никто и никогда не займет это место… Просто подожди, и ты увидишь, что Инесса сама исчезнет из нашей жизни… Я никогда не сделаю тебя несчастной, я скорее сделаю несчастным себя!

Я вдруг поймал на себе взгляд Нади – тревожный, испытующий, который как будто говорил мне: «Я хочу поверить, я очень хочу поверить».

– Надя, ты же знаешь меня как никто другой! И знаешь, что Инесса – не та женщина, с которой я смог бы быть. Эти увлечения случаются у всех… Просто все так совпало сейчас. Мы страдали от того, что бездетны, и нам было очень приятно присутствие детей Инессы. Мы могли отдавать им всю свою нерастраченную нежность и ласку…

Мы трое ездили на пикники и загородные прогулки, помогали друг другу в работе. И все было хорошо… Но ты ни раз становилась свидетелем наших споров об интимных отношениях. А ты знаешь, что для меня это – немаловажная тема! Вспомни ее краткий набросок статьи о феминизме и свободе любви. А это полностью говорит о том, какова ее сущность. Один из тезисов статьи вызвал у меня возражения – именно то самое требование «свободы в любви»: это требование я назвал «не пролетарским, но буржуазным». Я тогда предложил ей задуматься над «объективной логикой классовых отношений в делах любви».

Инесса поняла, что подоплекой этой критики было мое

враждебное отношение к той мысли, что женщина в любой момент свободна завязывать и обрывать близкие отношения с мужчинами. И говорила, что я имею в виду «свободу измены», тогда как она пишет о свободе любви. Вполне очевидно, что это обсуждение прав женщин было и заочным обсуждением наших отношений. Инесса высказалась и о том, что краткая и мимолетная страсть – лучше и чище, чем супружеские целования без любви. Я тогда принял вызов. Я согласился, что поцелуи без любви «грязны», но почему, спросил ее я, нужно противопоставлять им «страсть», а не любовь и почему «мимолетную»? Так я не только еще раз объявил природу своего чувства к Инессе, так я защищал свою верность тебе, подчеркивая, что в нашем союзе нет ничего «грязного», и что мы много значим друг для друга, я дорожу твоим мнением, Надя, и во всех вопросах ищу твоего одобрения и поддержки. И еще я упрекнул Инессу, которая отнюдь не лишала себя удовольствий мужского общества, за сексуальную неразборчивость…

– То есть ты хочешь, чтобы я верила тебе только потому, что ты спорил с Инессой из-за ее статьи?!

– Да нет же! Я хотел сказать, что когда она стала слишком рьяно защищать феминистические идеи, я понял, какая она на самом деле ветреная!

– Ты – мальчишка. Ты увлекся оберткой, а не содержанием – неожиданно мягко сказала Надя.

– Возможно, но дай мне самому в этом разобраться.

Я подошел и обнял жену, понимая, что наше примирение состоялось.

– У нас все будет хорошо, я тебе обещаю! – тихо сказал я.

Мы помолчали, а потом Наденька вдруг сказала:

– А помнишь, когда вас водили на прогулку, из одного окна коридора на минутку был виден кусок тротуара Шпалерной. Вот ты и придумал, чтобы – я – в определенный час пришла и встала на этот кусочек тротуара, тогда ты меня увидишь. И я несколько дней ходила и простаивала подолгу на этом кусочке.

– Конечно, помню, – улыбнулся я и обнял жену. А она склонила голову мне на плечо и так мы и просидели до утра, вспоминая, все что было. И я чувствовал себя самым счастливым.

Но после всех этих ссор я чувствовал себя истощенным. Все это мешало мне работать, и я понял, что мне нужно принять решение. Я сказал о Инессе, что мы расстаемся. Подсознательно я знал, что между ней и Надей я всегда выберу Надю – просто тянул время. А сейчас эти отношения стали тяготить меня. Они мешали мне сосредоточиться на главном – на революции. А ни одна женщина не могла мне помешать в этом ни прямо, ни

косвенно.

Инесса восприняла наше расставание спокойно, даже сухо, но потом в декабре написала мне письмо о ее поездке в Париж, когда мы с Надей уже переехали оттуда:

«Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитями связана с мыслью о тебе… Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью – и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя».

Да, я не смог не написать ей первым. Я чувствовал, что расстались мы скверно. И что я скучаю по этой женщине.

И после «расставания» Инесса продолжала занимать мои мысли, меня беспокоило чувство вины перед ней.

«If possible, do not be angry against me, – писал я ей – I have caused you a great pain, I know it…» («Если возможно, не сердись на меня. Я причинил тебе много боли, я знаю это…»). «Никогда, никогда я не писал, что я ценю только трех женщин. Никогда! Я писал, что самая моя безграничная дружба и абсолютное уважение посвящены только 2–3 женщинам».

И много еще подобных писем писал я ей. Это совершенно не похоже было на меня, будто моей рукой чертил буквы юный мальчишка!

«Вы пишете, что у Вас даже руки и ноги пухнут от холоду. Это ужасно. У Вас ведь и без того руки всегда были зябки. Зачем же еще доводить до этого?».

«Дорогой друг! Последние Ваши письма были так полны грусти и такие печальные думы вызывали во мне и так будили бешеные угрызения совести, что я никак не могу прийти в себя».

И даже несмотря на такое некрасивое с моей стороны «расставание» Инесса обращалась ко мне нежно, как к возлюбленному: «Дорогой…». В конце письма писала: «Крепко тебя целую. Твоя Инесса». Я же в ответных письмах обращался к ней также сердечно, но старался скрыть свои чувства и подчеркнуть дружеские наши отношения: «Дорогой друг!» – а завершая послание: «Крепко, крепко жму руку. Твой В. У.». Но не всегда мне удавалось выдержать этот товарищеский тон. «Oh, I would like to kiss you thousand times…» («О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячу раз…») – писал я Инессе.

И я не выдержал и написал, чтобы она возвращалась… Тут же

пошел и сказал обо всем Наде. Она только вздохнула и сказала:

– Не наигрался еще…

А Инесса приехала уже через пару недель и Надя ей даже обрадовалась. Наверное, она видела, как я весь извелся. Крупская все-таки – великая женщина. Ради меня и победы революции она была готова на все. И если мне суждено было влюбиться в Инессу Арманд, и это могло помочь делу революции, Надежда готова была подняться выше обывательских представлений о любви, супружеской верности и собственной женской гордости. Все было подчинено великой идее и ее безграничному пониманию меня.

И вот мы снова были втроем. И, кажется, каждый из нас был счастлив по-своему.

Глава 12. Александра Коллонтай

Александра, возможно, и хотела стать правой рукой Владимира. Но ей не хватило такта и упорства. Поэтому я быстро утвердилась в роли соратницы Ленины. Но я понимала и разделяла взгляды Александры на феминизм и свободную любовь.

Она, так же как и я, рано поняла, что брак – не есть основное и часто даже не истинное счастье. У нее все началось в 1891 году в Тифлисе, где Шура познакомилась с Владимиром Коллонтаем. Они продолжали встречаться в Петербурге – Коллонтай приехал учиться в Военно-инженерную академию. Два года спустя, несмотря на отчаянное сопротивление своей семьи, она стала его женой. Она говорила что: «среди беззаботной молодежи, окружавшей меня, Владимир выделялся не только выдумкой на веселые шутки и умением лихо танцевать мазурку. Я могла говорить с ним о самом важном для меня: как надо жить, что сделать, чтобы русский народ получил свободу. Вопросы эти волновали меня, я искала путь своей жизни. Кончилось тем, что я страстно влюбилась в него».

Спустя год после свадьбы Александра Коллонтай родила сына. Но через 5 лет она развелась с мужем.

Она говорила, что ее недовольство браком началось очень рано. Она бунтовала против «тирана» – так называла она своего мужа. Хотя вроде, по ее признанию, она любила своего красивого мужа и говорила всем, что страшно счастлива. Но, как выяснилось, ей казалось, что это «счастье» как-то связало ее. А она хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполняли весь день, и она не могла больше писать повести и романы, как делала это, когда жила у родителей. Но хозяйство ее совсем не интересовало, а за сыном могла очень хорошо ухаживать няня Анна Петровна. Как только ее маленький сын засыпал, она целовала его мокрый от пота лобик, плотнее закутывала в одеяльце и шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина. Это тоже объединило нас, у нас была общая любовь и общий идеал – Владимир Ильич.

Роковую роль в судьбе Александры Коллонтай сыграла одна из большевичек, которая убедила подругу, что семья – тюрьма и, только вырвавшись из этой темницы, можно заняться настоящим делом. Революционным. Постепенно Коллонтай пришла к выводу, что любовь к сыну – простой эгоизм, а любовь к мужу – ненужная роскошь. Она сказала мне, что они разошлись не потому, что разлюбили друг друга. А потому, что ее увлекала волна

нараставших в России революционных событий.

В тот год, когда мы с ней познакомились, мы обе были, что называется, на одной волне.

В период начавшегося в 1910–1911 гг. в России охлаждения к проблемам пола появилось в Германии психосоциологическое исследование сексуального кризиса Греты Мейзель-Хесс. И оно увлекло нас как ничто другое.

Свежестью веет от книги, исканием правды проникнуто яркое, темпераментное изложение, в котором преломляется трепетная, много пережившая, богатая женская душа. Мысли Мейзель-Хесс не новы – не новы в том смысле, что они реют в воздухе, что ими пропитана вся наша моральная атмосфера.

Александра говорила, что каждый втайне от других передумал, перестрадал проблемы, разбираемые ею, каждый мыслящий человек теми или иными путями пришел к выводам, запечатленным на страницах «Сексуального кризиса»; но по въевшемуся в нас лицемерию открыто мы все еще поклоняемся старому, мертвому идолу – буржуазной морали. Заслуга Мейзель-Хесс – та же, что и ребенка в сказке Андерсена: она посмела со спокойным бесстрашием крикнуть обществу, что «на короле нет рубашки», что современная половая мораль – пустая фикция…

Подвергая последовательному анализу все три основные формы брачного общения между полами: легальный брак, свободный союз и проституцию, Мейзель-Хесс приходит к пессимистическому, но неизбежному выводу, что при капиталистическом строе все три формы одинаково засоряют и извращают человеческую душу, разбивая всякую надежду на длительное и прочное счастье, глубоко человеческое общение душ. При неизменном, стационарном состоянии психики человека из затяжного «сексуального кризиса» нет выхода.

Распахнуть заповедную дверь, ведущую на вольный воздух, на путь более любовных, более близких, а следовательно – и более счастливых отношений между полами может лишь коренное изменение человеческой психики – обогащение ее «любовной потенцией». Последнее же с неизбежной закономерностью требует коренного преобразования социально-экономических отношений, другими словами – перехода к коммунизму.

Каковы главные несовершенства, каковы теневые стороны легального брака? В основу легального брака положены два одинаково ложных принципа: нерасторжимость, с одной стороны, представление о «собственности», о безраздельной принадлежности друг другу супругов – с другой.

«Нерасторжимость» брака основывается на противоречащем всей психологической науке представлении о неизменности

человеческой психики в течение долгой человеческой жизни. Современная мораль предъявляет достойное смеха требование, чтобы человек, во что бы то ни стало, «нашел свое счастье», она обязывает его сразу и безошибочно найти среди миллионов современников ту гармонирующую с его душою душу, то второе «Я», которое одно обеспечивает брачное благополучие. И если человек, а особенно женщина, в поисках за идеалом будет брести ощупью, терзая свое сердце об острые колья житейских разочарований, общество, извращенное современной моралью, вместо того, чтобы спешить на помощь своему несчастному сочлену, начнет мстительной фурией преследовать его своим осуждением… Открытую смену любовных союзов современное общество, озабоченное интересами собственности (не «вида» и не индивидуального счастья), готово рассматривать как величайшее для себя оскорбление… «Нерасторжимость» становится еще нелепее, если представить себе, что большинство легальных браков заключается «втемную», что брачующиеся стороны имеют лишь самое смутное представление друг о друге. И не только о психике другого, более того – совершенно не ведают, существует ли то физиологическое сродство, то созвучие телесное, без которого брачное счастье неосуществимо. «Пробные ночи», – говорит Мейзель-Хесс, – широко практиковавшиеся в средние века, – далеко не «неприличный абсурд»; при иной социальной обстановке в интересах расы, для обеспечения счастья индивидуумов они могут иметь право на существование.

Представление о собственности, о правах «безраздельного владения» одного супруга другим является вторым моментом, отравляющим легальное супружество. В самом деле, получается величайшая нелепость: двое людей, соприкасающихся только несколькими гранями души, «обязаны» подойти друг к другу всеми сторонами своего многосложного Я. Безраздельность владения ведет к непрерывному, стеснительному для обеих сторон пребыванию друг с другом. Нет ни «своего» времени, ни своей воли, а зачастую, под гнетом материальной зависимости, нет даже «своего угла» отдельно от супруга… Непрерывное пребывание друг с другом, неизбежная «требовательность» к предмету «собственности» превращают даже пылкую любовь в равнодушие, влекут за собою несносные, мелочные придирки…

Моменты «нерасторжимости» и «собственности» в легальном браке вредно действуют на психику человека, заставляя его делать наименьшие душевные усилия для сохранения привязанности внешними путями прикованного к нему спутника жизни. Современная форма легального брака беднит душу и уже никоим образом не способствует тому накоплению запасов

«великой любви» в человечестве, о котором столько тосковал русский гений – Толстой. Но еще тяжелее искажает человеческую психологию другая форма сексуального общения – продажная проституция…

Оставляя в стороне все социальные бедствия, связанные с проституцией, минуя физические страдания, болезни, уродство и вырождение расы, остановимся лишь на вопросе о влиянии проституции на человеческую психику. Ничто так не опустошает душу, как зло вынужденной продажи и покупки чужих ласк. Проституция тушит любовь в сердцах; от нее в страхе отлетает Эрос, боясь запачкать о забрызганное грязью ложе свои золотые крылышки.

Она уродует нормальные представления людей, она калечит и беднит душу, она урезывает, отнимает у нее самое ценное – способность пылкого, страстного любовного переживания, расширяющего, обогащающего индивидуальность запасом пережитых чувствований. Она искажает наши понятия, заставляя видеть в одном из наиболее серьезных моментов человеческой жизни – в любовном акте, в этом последнем аккорде сложных душевных переживаний, нечто постыдное, низкое, грубо животное…

Психологическая неполнота ощущений при покупной ласке особенно пагубно отражается на психологии мужчин: мужчина, пользующийся проституцией, в которой отсутствуют все облагораживающие привходящие душевные моменты истинно эротического экстаза, научается подходить к женщине с «пониженными» запросами, с упрощенной и обесцвеченной психикой. Приученный к покорным, вынужденным ласкам, он уже не присматривается к сложной работе, творящейся в душе его партнера-женщины, он перестает «слышать» ее переживания и улавливать их оттенки…

Нормальная женщина ищет в любовном общении полноты и гармонии; мужчина, воспитанный на проституции, упуская сложную вибрацию любовных ощущений, следует лишь бледному, однотонному физическому влечению, оставляющему по себе ощущение неполноты и душевного голода с обеих сторон. Растет обоюдное «непонимание» полов, и чем выше индивидуальность женщины – тем сложнее ее душевные запросы, тем острее сексуальный кризис. Проституция опасна именно тем, что ее влияние распространяется далеко за пределы отведенного ей русла…

Но и в третьей форме брачного общения – свободной любовной связи – имеется много темных сторон. Несовершенства этой брачной формы – отраженного свойства. Современный

человек привносит в свободные союз уже изуродованную неверными, нездоровыми моральными представлениями психику, воспитанную легальным супружеством, с одной стороны, и темной бездной проституции – с другой. «Свободная любовь» наталкивается на два неизбежных препятствия: «любовную импотенцию», составляющую сущность нашего распыленного индивидуалистического мира, и отсутствие необходимого досуга для истинно душевных переживаний. Современному человеку некогда «любить». В обществе, основанном на начале конкуренции, при жесточайшей борьбе за существование, при неизбежной погоне либо за простым куском хлеба, либо за наживой или карьерой, не остается места для культа требовательного и хрупкого Эроса… Мужчина опасается отравленных стрел Эроса, большого и истинного любовного захвата, могущего отвлечь его от «главного» в жизни. Между тем свободная любовная связь, при всем комплексе окружающей жизни, требует несравненно большей затраты времени и душевных сил, чем оформленный брак или беглые покупные ласки. Начиная с того, что душевные притязания свободных возлюбленных друг к другу обыкновенно еще выше, чем у легальных супругов, и кончая невероятной затратой времени друг на друга…

Но и перед женщиной, особенно живущей самостоятельным трудом (а таких 30–40 % во всех культурных странах), стоит та же дилемма: любовь или профессия? Положение женщины-профессионалки осложняется еще одним привходящим моментом – материнством. В самом деле, стоит перелистать биографии всех выдающихся женщин, чтобы убедиться в неизбежном конфликте между любовью и материнством, с одной стороны, профессией и призванием – с другой. Может быть, именно потому, что самостоятельная «холостая» женщина кладет на весы счастья при свободной любви не только свою душу, но и любимое дело, повышается ее требовательность к мужчине: она взамен ждет щедрой расплаты, «богатейшего дара» – его души.

Свободный союз страдает отсутствием морального момента, сознания «внутреннего долга»; при неизменности же всего сложного комплекса социальных взаимоотношений нет никаких оснований рассчитывать, что эта форма брачного общения выведет человечество из тупика сексуального кризиса, как думают адепты «свободной любви».

Выход этот возможен лишь при условии коренного перевоспитания психики – перевоспитания, требующего как необходимой предпосылки изменения и всех тех социальных основ, которые обусловливают собою содержание моральных

представлений человечества.

Все предлагаемые в области социальной политики мероприятия и реформы, приводимые Мейзель-Хесс, не представляют чего-либо существенно нового. Они вполне покрываются требованиями, значащимися в социалистических программах: экономическая самостоятельность женщины, широкая, всеобъемлющая охрана и обеспечение материнства и детства, борьба с проституцией на экономической почве, устранение самого понятия о законных и незаконных детях, замена церковного брака легко расторжимым гражданским, коренное переустройство общества на коммунистических началах. Заслуга Мейзель-Хесс заключается не в том, что она позаимствовала свои социально-политические требования у социалистов. Гораздо существеннее, что в своих пытливых поисках сексуальной правды она, не будучи «активной социалисткой», набрела бессознательно на единственно приемлемый путь разрешения «половой проблемы». Вся наличность социальных проблем, этих необходимых предпосылок новых брачных отношений, не в состоянии разрешить сексуального кризиса, если одновременно не вырастет великая творческая сила, не повысится сумма «любовной потенции» человечества…

Брачный союз в представлении Мейзель-Хесс – союз, основанный на глубоком проникновении друг другом, на гармоническом созвучии душ и тел, останется и для будущего человечества идеалом. Но при браке на основе «большой любви» нельзя забывать, что «большая любовь» – редкий дар судьбы, выпадающий на долю немногих избранников. Великая волшебница «большая любовь», расписывающая чарующими солнечными красками нашу серую жизнь, лишь скупо касается сердец своим зачаровывающим жезлом; миллионы людей никогда не знавали всесилия ее колдующих чар. Что делать этим обездоленным, обойденным? Обречь их на холодные супружеские объятия без Эроса? На пользование проституцией? Ставить перед ними, как это делает современное общество, жестокую дилемму: либо «большая любовь», либо «эротический голод»?

Мейзель-Хесс ищет и находит другой путь: там, где отсутствует «большая любовь», там ее заменяет «любовь-игра». Чтобы «большая любовь» стала достоянием всего человечества, необходимо пройти трудную, облагораживающую душу «школу любви». «Любовь-игра» – это тоже школа, это способ накопления в человеческой психике «любовной потенции»…

«Любовь-игра» в различных своих проявлениях встречалась на всем протяжении человеческой истории. В общении между

древней гетерой и ее «другом», в «галантной любви» между куртизанкой эпохи Возрождения и ее «покровителем-любовником», в эротической дружбе между вольной и беззаботной, как птица, гризеткой и ее «товарищем» – студентом – нетрудно отыскать основные элементы этого чувства.

Это не всепоглощающий Эрос с трагическим лицом, требующий полноты и безраздельности обладания, но и не грубый сексуализм, исчерпывающийся физиологическим актом… «Игра-любовь» требует большой тонкости душевной, внимательной чуткости и психологической наблюдательности и потому больше, чем «большая любовь», воспитывает и формирует человеческую душу.

«Любовь-игра» гораздо требовательнее. Люди, сошедшиеся исключительно на почве обоюдной симпатии, ждущие друг от друга лишь улыбок жизни, не позволят безнаказанно терзать свои души, не пожелают мириться с небрежным отношением к своей личности, игнорировать свой внутренний мир. «Любовь-игра», требуя значительно более осторожного, бережного, вдумчивого отношения друг к другу, постепенно отучила бы людей от того бездонного эгоизма, который окрашивает собою все современные любовные переживания…

В-третьих, «любовь-игра», не исходя из принципа «безраздельного» обладания, приучает людей давать лишь ту частицу своего «я», которая не обременяет другого, а помогает, наоборот, светлее нести жизнь. Это приучало бы людей, по мнению Мейзель-Хесс, к высшему «целомудрию» – давать всего себя, только когда налицо высшая, «священная» глубина и неотвратимость чувства. Сейчас мы все слишком склонны «после первого же поцелуя» посягать на всю личность другого и навязывать «целиком» свое сердце, когда на него еще совершенно нет «спроса». Надо помнить, что лишь таинство великой любви дает «права»…

«Любовь-игра» или «эротическая дружба» имеет еще и другие преимущества: она страхует от убийственных стрел Эроса, она научает людей противостоять бремени любовной страсти, порабощающей, раздавливающей индивидуум. Она способствует, как никакая другая форма любви, самосохранению индивидуума, говорит Мейзель-Хесс. «Ужаснейшее явление, которое мы называем насильственным вламыванием в чужое Я, здесь не имеет места». Она исключает величайшее «грехопадение» – потерю своей личности в волнах страсти…

«Кто себя чувствует любимым, тот себя чувствует и признанным; из этого сознания рождается высшая жизнерадостность». Но именно это признание своего Я, эта жажда

избавления от призрака вечно подкарауливающего нас душевного одиночества не достигается грубым утолением физиологического голода. «Только чувство полной гармонии с любимым существом может утолить эту жажду». Только «большая любовь» даст полное удовлетворение. Любовный кризис тем острее, чем меньше запас любовной потенции, заложенной в человеческих душах, чем ограниченнее социальные скрепы, чем беднее психика человека переживаниями солидарного свойства.

Поднять эту «любовную потенцию», воспитать, подготовить психику человека для воспитания «большой любви» – такова задача «эротической дружбы».

«Игра-любовь», разумеется, лишь суррогат «большой любви», ее заместительница…

Наконец, рамки «эротической дружбы» весьма растяжимы: вполне возможно, что люди, сошедшиеся на почве легкой влюбленности, свободной симпатии, найдут друг друга, что из «игры» вырастет великая чаровница – «большая любовь». Вопрос лишь в том, чтобы создать для этого объективную возможность. Каковы же выводы и практические требования Мейзель-Хесс?

Прежде всего, общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они ни имели, при двух условиях: чтобы они не наносили ущерба расе и не определялись гнетом экономического фактора. Как идеал остается моногамный союз, основанный на «большой любви». Но «не бессменный» и застывший. Чем сложнее психика человека, тем неизбежнее «смены». «Конкубинат», или «последовательная моногамия» – такова основная форма брака. Но рядом – целая гамма различных видов любовного общения полов в пределах «эротической дружбы».

Второе требование – признание не на словах только, но и на деле «святости» материнства. Общество обязано во всех формах и видах расставить на пути женщины «спасательные станции», чтобы поддержать ее морально и материально в наиболее ответственный период ее жизни.

Наконец, чтобы более свободные отношения не несли за собою «ужаса опустошения» для женщины, необходимо пересмотреть весь моральный багаж, каким снабжают девушку, вступающую на жизненный путь.

Все современное воспитание женщины направлено на то, чтобы замкнуть ее жизнь в любовных эмоциях. Отсюда эти «разбитые сердца», эти поникшие от первого бурного ветра женские образы. Надо распахнуть перед женщиной широкие врата всесторонней жизни, надо закалить ее сердце, надо бронировать ее волю. Пора научить женщину брать любовь не как основу

жизни, а лишь как ступень, как способ выявить свое истинное Я. Пусть и она, подобно мужчине, научится выходить из любовного конфликта не с помятыми крыльями, а с закаленной душою.

«Уметь в любую минуту сбросить прошлое и воспринимать жизнь, будто она началась сегодня», – таков был девиз Гете. Уже брезжит свет, уже намечаются новые женские типы – так называемых «холостых женщин», для которых сокровища жизни не исчерпываются любовью. В области любовных переживаний они не позволяют жизненным волнам управлять их челноком; у руля опытный кормчий – их закаленная в жизненной борьбе воля. И обывательское восклицание «У нее есть прошлое!» перефразируется холостой женщиной: «У нее нет прошлого – какая чудовищная судьба!».

Пусть не скоро еще станут эти женщины явлением обычным, пусть еще не завтра наступит сексуальный порядок – дитя более совершенного социального уклада, – пусть не сразу прекратится затяжной кризис пола, уступая место «морали будущего», дорога найдена, вдали заманчиво светлеет широко раскрытая заповедная дверь. Все это мы вдалбливали в головы простым женщинам, которые хотели меняться и менять мир вокруг себя.

Не нужно забывать, что до сих пор, женщина трудового класса закрепощена… бытом, закабалена непроизводительным домашним хозяйством, которое лежит на ее плечах. Все это мешает ей отдаться… активному участию в борьбе за коммунизм и строительной работе. Мы должны создавать ясли, детские садики, строить общественные столовые, прачечные, то есть сделать все для слияния сил пролетариата – мужского и женского, чтобы совместными усилиями добиться общей великой цели завоевания и построения коммунистического общества. Это была наша общая миссия, которую мы несли в массы.

Глава 13. Единственная женщина

Все чаще вспоминается мне начало нашей совместной жизни с Ильичем. Наверное, это из-за переживаний, которые все больше заполняют мою душу. И, видимо, пытаясь уберечь меня, моя голова все больше погружает меня в прошлое. Возвращает назад, когда Ильича ни с кем не нужно было делить.

Надо сказать, что идеями социальной справедливости и необходимости просвещения простого народа я, увлеклась еще в гимназии, куда меня определили родители. Благородные замыслы повлияли на присутствие в моей жизни любовных интриг, долгих встреч при луне, и страстных поцелуев. Я спокойно относилась к тому, что молодые юнкера замечали моих подружек, а не меня. Мне было совершенно не до этого. Я искала себя в ином.

В 21 год я прочла «Капитал» Маркса, начала посещать марксистский кружок студента Классона в Петербурге. Здесь я впервые и увидела своего будущего мужа – Владимира Ульянова. И его уверенный и категоричный тон, язвительность по отношению к присутствующим псевдо-революционерам, собиравшимся спасти родное отечество в комитете грамотности, все это меня потрясло до глубины души. Слушая его, я окончательно убедилась, что революция близка мне и возможна в действительности. А любовь к мужчине и революции соединились для меня в одном человеке – Владимире. Так началось мое погружение в стихию под названием революция.

Через некоторое время меня за революционную деятельность сослали на три года в Уфу. А тут приходит мне химическое письмо от Ленина из Шушенского. Он просит приехать к нему и стать его женой. Вот так впоследствии и вышло, мы посмеялись и повенчались. И стали мы мужем и женой, потому что хотели жить и работать вместе. Я стала, конечно, просить отправить меня в Шушенское Минусинского уезда, где уже находился вроде как мой жених, и, добившись разрешения полицейских чинов, вместе с матерью мы поехали к Ильичу.

Но властями мне было поставлено, по мнению Ленина, трагикомичное условие: если я по приезду немедленно не вступлю в брак, то меня отправят назад в Уфу.

Итак, денег не хватало, а тут еще и свадьба. Помню, как Ильич писал матери:

«С Н. К. пришли мне, пожалуйста, побольше финансов: а если уже выехала, то отправь на имя Елиз. Вас. Расходы могут предстоять изрядные»… Правда, отмечу, что дешевизна в этом

Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое жалованье – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья… Так что, жить можно было!

В село Шушенское, где жил Владимир Ильич, мы приехали в сумерки; (7 мая 1898) Владимир Ильич был на охоте. Комната Владимира Ильича была невелика. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы.

Наконец, вернулся с охоты Владимир Ильич. Удивился, что в его комнате горит свет. Хозяин сказал, что это один из знакомых его пришел пьяный, и все книги у него разбросал. Ильич быстро взбежал на крыльцо. И вдруг увидел меня! Лицо его просияло, он обнял меня, сказал:

– Здравствуй, Надюша!

– Володя, я так рада видеть тебя! Ты просто себе и представить не можешь! – отозвалась я.

Но тут он услышал голос моей мамы, которая весело звала его из комнаты:

– Идите-ка, идите сюда и показывайтесь, какой же вы здесь стали, Володя!

Мама не оставила меня в ссылке – поехала со мной. Это, считаю, был героический поступок с ее стороны. Ведь она как бы отвечала со мной вместе только за мои по тому времени «анитиполитические» взгляды. И как же я была ей благодарна! Столько хлопот и обязанностей она взяла на себя в ссылке.

Я приехала в Шушенское невестой Ильича. Нужно было торопиться ни он, ни я не хотели разлучаться. Венчание было назначено, а ведь для него нужны были кольца. А где их взять-то? Выковал нам их Оскар Энгберг. Этот мужчина был скорее уголовник, чем «политик». Он сам нам признавался, что его в Шу-Шу выслали за то, что на первомайских праздниках он выбил зубы «одному худому человеку». На что Ленин всегда смеялся и замечал: – «Ну и сколько же зубов? Надо было сразу всю челюсть!». Но благодаря всем историям, которые сопровождали поиск колец, мы еще больше сблизились с Володей. И чем больше препон нам чинили – тем ценнее они для меня были. Я потом всю жизнь их берегла.

Мама настояла, чтобы брак был заключен без промедления, причем «по православной форме». Но не все было так просто.

В июне 1898 года Ленин писал матери:

«Насчет нашей свадьбы дело несколько затянулось. Прошение о высылке необходимых документов я подал почти месяц назад и в Минусе сам ходил справляться к исправнику о причинах волокиты. Оказалось, что в Минусе нет до сих пор моего

статейного списка, – хотя я уже второй год в ссылке! (Статейным списком называется документ о ссыльном; без этого документа исправник не знает обо мне ничего и не может выдать мне удостоверения.)»

Началась долгая волокита с бумагами, разрешающим наш брак: без этого мне с матерью никак нельзя было жить вместе с Володей, и время поджимало. Запутанная система мешала нам как могла. Разрешения на свадьбу не давали без вида на жительство, который, в свою очередь, невозможно было получить без брака… Заколдованный круг…

Мы отправляли в Минусинск и Красноярск множество жалоб на произвол властей, которые не давали нам разрешений. И вот, наконец, к лету 1898 года мне разрешили стать его женой. Венчание происходило в Петропавловской церкви, на невесте были белая блузка и черная юбка, на женихе – обычный, весьма потертый коричневый костюм. Эх… следующий свой костюм мы сможем пошить Владимиру только в Европе…

10 июля 1898 года состоялась наша скромная свадьба, на которой свидетелями были простые крестьяне из Шушенского. Красиво-то как там было в этой церкви! Я чувствовала, несмотря ни на что торжественность этого прекрасного момента. Революция, ссылка, но в душе каждая женщина-то все равно девочка! И каждой хочется запомнить этот главный в жизни момент. И я помню все и до сих пор. Иногда мне кажется, это было вчера…

Ильич пригласил на нашу свадьбу Кржижановского, Старкова и многих друзей из ссыльных. На свадьбе веселились и пели так громко, что хозяева избы, где мы жили, заходили просить быть тише и сдержаннее… Но как же нам хотелось тогда веселья в этой далекой стороне, где было холодно и совсем все по-другому, не так, как в больших городах.

Зажили мы, действительно, по-семейному.

Мужем Володя оказался очень заботливым. В первые же послесвадебные дни нанял для меня молодую тринадцатилетнюю девочку-помощницу: управляться с русской печью и ухватом я, горожанка, понятное дело, не умела. А кулинарные мои способности как молодой супруги у всех только отбивали аппетит. Поэтому помощь мамы и девочки-помощницы была как нельзя кстати. Помню, как мы с мамой воевали с русской печкой. Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. И тут как раз появилась эта помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство.

Обед и ужин был простоват – одну неделю для Владимира

Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока не съест; покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготовляли, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь. Нам нравилось вместе все: бывало, Ильич за конторкой сидит, а я за столом, и оба работаем и кажется даже сил больше вдвоем, чем поодиночке. Отдыхали тоже неразлучно. То в лес пойдем и часами гуляем, то на бережку Шуши сидим, друг другу идеи революционные рассказываем, а можем и далеко к Енисею уйти и просто молчать и все равно хорошо нам. Потому что знаем, что и молчим мы об одном и том же. Хоть и трудно в ссылке, но молодоженам хорошо везде, ибо молодыми мы были и влюбленными. Хотя меня по тем-то временам считали уже не молодой – почти тридцать лет для незамужней девушки – это плохо очень. Под венец-то шли с шестнадцати – семнадцати лет.

Но мне тогда было на это наплевать – все опять эти предрассудки общественные.

Кстати, в отличие от прошлой своей ссылки, эта, можно сказать, для Ильича пошла впрок. Поздоровел и посвежел он здесь. Я писала Марии Ульяновой:

«…исполняю свое обещание – написать, как выглядит Володя. По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него – блестящий, сравнительно с тем, какой был в Питере. Ну да, кормят нас хорошо, молоком поят вволю, и все мы тут процветаем. Я все еще не привыкла к теперешнему здоровому виду Володи».

Сам Ильич тоже писал матери:

«Про меня Елизавета Васильевна (моя мама) сказала: «Эк Вас разнесло!» – отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!».

В селе Шушенском, где мы были в ссылке, нашим начальником был «заседатель», местный богатый крестьянин; он должен был смотреть, как бы мы не убежали оттуда, и т. п. Так как бежать мы явно не собирались, никаких восстаний не устраивали, то он смотрел на нас спокойно: мы могли ездить куда хотели, к нам мог приезжать, кто хотел, он продавал нам телятину и т. д. Вот помню тоже нашу жизнь, как писала я тогда своим близким, чтобы не волновались лишний раз: «едим отлично, настаиваем наливку на малине, солим огурцы – все как следует быть, как в России. Покупали как-то арбузы… Володя собирается денька на два съездить в тайгу, посмотреть, что за тайга такая, пособирать ягод, шишек, поохотится за таежными рябчиками. Да даже зимой волноваться не приходилось. У нас в каждой комнате – печь, очень холодно-то не будет. Даже развлечения были и на Новый год, и так просто – каток. Володя

катается отлично… Оскар катается плохо и очень неосторожно, так что падает без конца, я вовсе кататься не умею; для меня соорудили кресло, около которого я и стараюсь…».

Новый год справляли в Минусе. Отлично встряхнулись надолго. Над нашим здоровым деревенским видом все охали и ахали, а некоторые даже заявили, что я гораздо толще стала.

Мы решили лихо отпраздновать и Масленицу и пригласили к себе всех горожан (6 человек). Время проводили самым праздничным образом, и 5 дней прошли совсем незаметно. Помню, как вечером мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие…

Хорошее было времечко… А сейчас мне остались только эти воспоминания. Ильич все больше увлекается Инессой. Он постоянно очаровывается людьми – мужчинами, женщинами… Но к мужчинам я, понятное дело, его не ревную, с ними его связывают только общие идеи да разговоры. А вот с женщинами… Все же среди революционерок есть весьма недурственные кадры. Его никогда не интересовали просто красивые женщины. Володя любит, когда женщина умна, а если она еще и хороша при этом, то он обязательно обратит на такую внимание.

Инесса – умна и красива. Но мне кажется, она все же поверхностна в своей любви к революции. Уж слишком пламенны ее речи… Но она вполне образована и начитана, чтобы по всякому вопросу иметь свое мнение и отстаивать свою точку зрения. И есть в ней то, что оценит по достоинству любой мужчина, – взгляд. Ох уж этот взгляд, когда она смотрит на мужчин так, словно видит божество. Она именно так смотрит сейчас на Ильича: он для нее – идол! А это любого мужчину в восторг приведет. Каждое слово его ловит и смотрит, смотрит на него, приравнивая его к высшей силе!

Конечно, это не может не нравиться. Когда она только появилась, я думала, что Инесса быстро разочаруется в политике и в партии, но нет!.. Ее энергия настолько заразительна, и то, как она преподносит дело большевиков, заставляет новых людей присоединяться к нам. И если не считать того, что у нас образовался любовный треугольник, а со стороны кажется именно так, то все было бы очень хорошо. Инесса умеет быть внимательной и обходительной. Она и в хозяйстве мне помогала, и с работой Володе. Но она претендовала на его сердце, и мне хотелось, чтобы она исчезла из нашей с ним жизни. Я много перевидала женщин, которые приходили и уходили из-за своего поверхностного отношения к делу партии. Они быстро разочаровывали Ленина. Но Инесса и правда была другой…

И я хотела уйти. Хотела несколько раз, но Володя остановил. Сказал, что не сможет без меня. И я ему поверила и осталась. А как было по-другому? Я не представляла себе жизни без нашего общего дела и без мужа, конечно, тоже. А он в свою очередь не мог отказаться сейчас от Инессы. Я знала, что в некоторых партийных делах он доверял Инессе больше, чем всем остальным. И это можно было понять – ведь Инесса оказалась более опытной революционеркой, чем большинство наших товарищей, за ее плечами были тюрьмы и ссылка за Полярным кругом. К тому же, она оказывала неоценимую помощь в разных делах благодаря своему знанию иностранных языков.

И еще если говорить откровенно то за годы, проведенные вместе я изучила и узнала о Ильиче все. Примирилась с его несносным характером, привыкла ко всем его недостаткам. И я думаю ни одна женщина, которая хотела бы остаться рядом с Володей вместо меня, не смогла бы справится с тем, с чем ей бы пришлось бы столкнуться в быту! Они просто себе не представляли, какой Ильич сложный человек. И как много он работает.

И я знаю, что Володя поэтому тоже меня ценил и превозносил гораздо выше всех других женщин, которые иногда появлялись в нашей жизни. Потому я и осталась рядом с ним: я верила в его слова, что я для него – единственная женщина.

Глава 14. Возвращение в Россию

Когда он позвал меня обратно, я бросилась паковать чемоданы, не раздумывая. Оставила детей Александру и поехала к ним. Я никогда не задавалась вопросом, что есть любовь. Для себя я давно знала, что это свобода.

Муж умолял остаться. Я смотрела на него и понимала, что он любит меня также как я люблю Владимира – безусловно – то есть ничего не прося взамен и не требуя многого. Александр даже и не представлял, насколько мы с ним похожи в нашей любви. Наверное, и я также передано смотрела на Володю, как на меня сейчас смотрел муж. Но мое сердце навсегда было отдано другому мужчине и революции.

– Ты, – сказал мне на прощание Саша, – из той плеяды женщин, которые всю себя без остатка бросили на благо революции. Я знаю, ты не можешь иначе…

Он стоял на пороге нашего дома в окружении наших детей и смотрел, как за мной приехала машина, которая вновь увезет меня от него. Вот она, еще одна грань любви. Саша готов был мне простить все: измену с его братом, постоянные мои скитания по ссылкам, бесконечные партийные задания. Он готов был смирится со всем – только бы я была рядом. Такое своего рода самопожертвование и самоунижение. Когда я спросила его, зачем он это делает, ведь любовь, конечно, любовью, но себя он тоже должен уважать как мужчину, как человека, в конце концов.

Саша лишь грустно улыбнулся и сказал:

– Инесса, ты не поймешь этого. У нас с тобой разная любовь, и для тебя то, что я делаю, – унижение, а для меня – маленький шанс на то, чтобы ты осталась со мной. Хотя бы еще на день… Хотя бы на час.

И я, правда, не понимала. А ведь именно этот человек был самым верным для меня. И на самом деле не будь он таким, моим детям пришлось бы очень трудно. Постоянные переезды, новые квартиры, новые люди… Но у меня был Саша, который взял все хлопоты с детьми на себя. Он безропотно стал отцом и для своего племянника.

Ему плевать было на общественное мнение. На то, как люди шушукались за его спиной и говорили, что я мало того что изменила ему с его младшим братом, так еще и спихнула на него наше дитя. Принесла, так сказать, в подоле. Саша просто не обращал на это внимания, он любил младшего как своего сына и воспитывал наравне со всеми. Возможно, в его душе и были моменты, когда он думал о том, что это – сын его брата, который

спал с его женой. Но ни разу он не показал это младшему. Ни разу не сказал грубого слова.

Он просто ждал меня, ждал каждый день и надеялся, что я вернусь. Но как мне было объяснить ему, что революция – не мое увлечение, а моя жизнь? И потом в Париже я встретилась с Лениным и полюбила этого мужчину всем сердцем. Дороги назад для меня не было, а Саша продолжал напрасно ждать.

Когда меня арестовали по моей же глупости, он приехал и внес огромный залог за меня – примерно 5000 рублей. Огромные деньги! И тогда я ненадолго вернулась к нему. Возможная ссылка немного остудила меня, и на несколько месяцев я превратилась в ту женщину-жену, которую он всегда хотел видеть рядом с собой в моем лице. Мы ходили в театры с детьми, много гуляли… И вдруг письмо… Писал Владимир: «Возвращайся, не могу здесь без тебя». Невообразимое чувство смятения в моей душе вдруг все перевернуло, показало мне снова, что я не могу быть вдали от Ленина, не могу быть вдали от революции и не могу не участвовать в этом большом деле.

Саша уже тогда знал, что я уеду. И только просил остаться и ради себя, и ради детей. Но я была уверена, что дети вырастут и поймут их мать, а ради Саши, даже такого благородного, я не могла остаться.

Наша любовь с мужем просто оказалась разной. И за годы совместной жизни все более изменялась. Он любил меня, а я от его любви хотела получить свободу. Странно, да? Вроде бы все должны быть счастливы, когда их так любят. Но мне с каждым годом становилось все тяжелее от такой любви.

Я поняла Сашу только тогда, когда полюбила Владимира. Мы с мужем как будто оказались по одну сторону баррикад: я не отвечала взаимностью Саше, а мне не отвечал взаимностью Ленин. Вот такая ирония судьбы. Именно тогда я почувствовала, что могу отдать всю себя только за то, чтобы быть рядом и знать, что меня не погонят прочь, словно дворняжку, которая прибилась к людям и бредет за ними, тщетно ища свой новый дом.

Да, когда Ленин прогнал меня, я почувствовала себя именно той самой дворняжкой. Чувство обиды долго горело в моем сердце. Но потом я вдруг осознала, что он не мог поступить иначе, потому что тоже любит меня. И я ему дорога.

Наши отношения просто зашли слишком далеко и начали мешать нашему самому главному общему делу – революции. Доказательством тому, что я не безразлична Владимиру, стало письмо с просьбой вернуться к нему. И я вернулась. Это, действительно, была одна грань любви. Знаете, как когда смотришь через хрустальный камешек на мир, в нем сразу

отражается столько граней… Так и каждый человек смотрит через призму собственной жизни и личности на все события, происходящие в ней. Саша любил меня по своему, и я любила его тоже по своему, но скорее, как верного друга, чем как мужчину или любовника. Его брата я любила самой сильной любовью, он был для меня всем – и мужем, и соратником. Но это все была незрелая любовь. Пропитания каким-то юношеским максимализмом. До настоящей, как мне кажется, любви я созрела только теперь, когда в моей судьбе появился Владимир. Он – тот, за кого и жизнь не жалко отдать.

Я вернулась, и мы опять зажили втроем. Вот еще одна из граней любви – любовь Надежды к своему мужу. Она ведь ревновала, порой сильно ненавидела меня, но ставила счастье Ленина выше своего собственного. И поэтому она согласилась на то, чтобы я вернулась. Надежда Константиновна – мудрая и смелая женщина. Окажись я на ее месте, я повесилась бы, наверное, или еще что-нибудь с собой сотворила. Но знать, что любят не только меня, нет, я бы не смогла.

Знаете, что странно? На месте Крупской я бы не перенесла такого любовного треугольника, а на своем собственном месте мои взгляды вполне позволяли мне делить любимого мужчину с его женой. Я думаю, это произошло потому, что я уважала Крупскую и не посягала на ее место. Она создала вокруг себя невидимый ореол «супруги вождя», и каждая женщина, оказывающаяся ближе к Ленину, чем того требовали партийные заботы, понимала это. Надежда Константиновна – навсегда жена Владимира и быть по-другому не могло.

Вскоре в марте 1917 года я, Крупская и Ленин смогли возвратиться на родину. Первые известия о победе Февральской революции в России Ленин получил в Цюрихе. С этого дня вся деятельность Владимира сосредоточилась на дальнейшей разработке стратегии и тактики партии в революции, на изыскании путей быстрейшего возвращения на родину. Мы все страстно рвались в революционную Россию, чтобы непосредственно на месте принять участие в борьбе партии и всех трудящихся за победу социалистической революции.

В тот год было рассмотрено несколько вариантов возвращения в Россию. Один из них – на аэроплане, при помощи контрабандиста, по чужим паспортам, – но все они оказались неосуществимыми.

«Мы боимся, – писал Ленин 4 марта А. М. Коллонтай, – что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся». Отсутствие Владимира в России сказывалось на всей работе Бюро ЦК и партийных организаций. По приходящим с родины весточкам мы

понимали: Революционная Россия ждала своего вождя. Нам писали, что партийные организации и рабочие, принимая на собраниях и митингах приветствия В. И. Ленину, выражали горячее желание скорее видеть его в своих рядах. Вспоминая о первых днях революции, рабочий Сестрорецкого завода А. М. Афанасьев писал: «Очень хотелось, чтобы Ильич был здесь, вместе с нами, чтобы он руководил революцией на месте».

С первых дней Февральской революции Русское Бюро ЦК РСДРП принимало все меры к тому, чтобы Ленин скорее вернулся в Россию и непосредственно возглавил руководство партией и ее Центральным Комитетом. Здесь в Швейцарии мы располагали довольно скудными сведениями о положении в России, но и из них мы смогли понять, какая сложная обстановка была в Петрограде, какие трудности переживала сейчас партия. «Условия в Питере – архитрудные, – говорил Владимир. – Патриоты-республиканцы напрягают все усилия. Нашу партию хотят залить помоями и грязью…». Владимир Ильич отправлял в Россию письма, которые содержали его важнейшие принципиальные установки о тактике большевиков, отвечающей задачам момента. Но это еще не решало всех вопросов, и Владимир это понимал, необходимо было как можно скорее выехать в Петроград.

Решено было добираться в Россию через Германию. Сколько различных препонов нам пришлось пережить тогда. И многие считали безумием ехать через эту страну на родину. И самое главное в кратчайшие сроки нам пришлось искать деньги на эту поездку, ибо безденежье – верный спутник эмигрантской жизни!

Но 27 марта в 15 час. 10 мин. мы во главе с В. И. Лениным выехали из Швейцарии в Россию через Германию. На Цюрихском вокзале кучка недовольных устроила нам враждебную демонстрацию. Эмигранты-большевики, не успевшие выехать с нами, тепло провожали нас, желали успехов в революционной работе в России. В адрес Ленина то и дело поступали телеграммы из разных городов Швейцарии. «Привет друзьям и товарищам, – телеграфировал из Женевы большевик Ильин. – Восторженно приветствуем ваш отъезд. Огорчены, что не можем ехать с вами. Счастливого пути. Лучшие пожелания. До скорого свидания, с Вами душой и сердцем». «Когда Ильич едет в Россию, или он, может быть, уже поехал? – писали в день отъезда большевики В. Загорский и В. Соловьев. – Ну, всех благ! До скорого свидания на работе в Питере или в Москве».

Условия проезда через Германию, выработанные В. И. Лениным, немецкие власти выполнили точно. И вот 3 апреля мы приехали в Петроград в пломбированном вагоне и были восторженно встречены трудящимися. Все понимали, что

возвращение Ленина в Россию имело величайшее значение для победоносного исхода революции в нашей стране. На площади Финляндского вокзала с башни броневика перед тысячами встречавших его революционных рабочих, солдат и матросов Владимир призвал партию, рабочий класс и революционную армию на смелую и открытую борьбу за социалистическую революцию.

Теперь все будет хорошо, – думала я. Став у руля большевистской партии и революционных масс, Володя обеспечит выработку правильной стратегии и тактики партии. И сможет претворить их в жизнь в ходе революции.

Мы все были счастливы. Пока ехали, никто из нас троих ни разу не спорил и не ругался. Каждый из нас думал только об одном: наконец-то мы будем дома! Мы отложили на потом все наши интимные переживания, нас объединило одно стремление – добраться до Петрограда. И я поняла тогда еще одну важную вещь – ведь у нас у всех была еще одна любовь по имени революция. И, может быть, именно благодаря ей мы смогли сосуществовать втроем. Именно она сплотила нас. И именно ей мы должны быть благодарны за тот шквал эмоций, пускай и не всегда радостных, которые она нам дарила. Мы жили в такой мощной стихии, в который не каждый имел смелость жить!

Глава 15. Штурм Зимнего

Когда мы прибыли в Петроград, все изменилось. Работы у нас стал непочатый край. И я, и Надя просто сутками не вылезали из партийной работы. А как было иначе? Россия требовала от нас отдачи всех сил без остатка.

Но даже при таком не простом графике мне удавалось видеться с Инессой. Мы, конечно, проводили не так много времени вместе, но выкроить часок-другой, чтобы провести его вдвоем мы всегда пытались. Сейчас все наши встречи сводились к обсуждению новой России и ее жизни. Мы опять подолгу спорили и рассуждали, что следует сделать в первую очередь, что нужно людям и партии. Овладеть массами – стать материальной силой, вот что было важно сейчас. На личные отношения времени не оставалось. Нужно было действовать!

Как раз в это время растет и ширится интенсивное строительство отрядов красной гвардии, несмотря на правительственное запрещение «самовольно» формировать любые так называемые отряды по борьбе с контрреволюцией. Только в Петрограде насчитывалось около 13–15 тысяч красногвардейцев, в Кронштадте – около 4 тысяч. Усиленно формируются новые красногвардейские отряды в Москве, Ревеле, Гельсингфорсе, Царицыне, Киеве, Одессе, Екатеринбурге, Челябинске и других городах.

Я понимал ситуацию и чувствовал свое полное превосходство в силе, уже без всяких конспираций, не скрывая своих замыслов, готовился к вооруженному нападению на Временное правительство, которое было создано после свержения царя. Но мне все равно приходилось всех подогнать: «Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно. Нельзя ждать!! Можно потерять все!» – орал я на своих трусливых и еще в чем-то сомневающихся соратников 24 октября. Зимний дворец предполагалось, по предварительным расчетам, занять в ночь на 25-е, одновременно со всеми другими командными высотами столицы.

В тот день штурмовать Зимний дворец мы решились лишь после прибытия на помощь из Кронштадта уже испытанных в июльские дни и составлявших в Петрограде реальную силу нескольких тысяч матросов Балтийского флота из Гельсингфорса и кронштадтцев. Несмотря на то, что я требовал вывода всего флота, считая, что перевороту в Петрограде угрожает б льшая опасность, нежели со стороны Балтийского моря, сами матросы, в нарушение требований, не сделали этого.

Я знал, что позиция, занятая правительством, была достаточно нелепой и безнадежной: отсиживаясь в Зимнем дворце, где шли заседания, члены правительства ждали прибытия войск с фронта. Рассчитывали на ненадежность и деморализованность выведенных большевиками отрядов, надеясь на то, что «такое войско разбежится и сдастся при первом холостом выстреле». Правительством ничего не было сделано для защиты своей последней цитадели – Зимнего дворца: не было добыто ни боеприпасов, ни продовольствия. Вызванных днем к резиденции правительства юнкеров не смогли даже накормить обедом.

В первой половине дня к охранявшим Зимний юнкерам Петергофской и Ораниенбаумской школ присоединяются ударницы женского батальона, отряд казаков с пулеметами, батарея Михайловского артиллерийского училища, школа инженерных прапорщиков, а также некоторое количество добровольцев. Поэтому в первой половине дня членами правительства, скорее всего, трагичность их положения не ощущалась: около Зимнего собралась некоторая военная сила, по их мнению, достаточная для того, чтобы продержаться до момента прибытия войск с фронта. Пассивность атакующих также усыпляла бдительность Временного правительства. Наши беспорядочные толпы матросов, солдат, красногвардейцев то наплывают к воротам дворца, то отхлынывают.

Потому вся деятельность правительства свелась к обращению к населению и к гарнизону с рядом запоздалых и потому бесполезных воззваний. К вечеру 25 октября ряды защитников Зимнего сильно поредели: уходили изголодавшиеся, обманутые, упавшие духом. Ушли и те немногие казаки, что были в Зимнем, смущенные тем обстоятельством, что вся пехота правительства оказалась «бабами с ружьями». К вечеру покинула резиденцию правительства и артиллерия: ушли по приказу своего начальника юнкера Михайловского артиллерийского училища, правда, небольшая часть из них ослушалась приказа и осталась.

В то же время о силах, охранявших Зимний дворец, были известны и совсем другие факты, что на момент штурма они составляли примерно 137 ударниц женского батальона смерти (2-я рота), 23 роты юнкеров и 40 инвалидов Георгиевских кавалеров, возглавляемых капитаном на протезах. В общем, это было даже смешно. Как они собирались защититься?!

К вечеру в руках Временного правительства фактически остался только Зимний дворец, который охранял небольшой отряд юнкеров и женский батальон. Практически одновременно с последним воззванием правительства к России, в 21 час, после

холостого сигнального выстрела из Петропавловской крепости, началось наше наступление на Зимний дворец. Первая атака представляла собой ружейный и пулеметный при участии броневиков обстрел дворца, сопровождавшийся ответным огнем защитников дворца, и длилась около часа. По итогам атаки сил для защиты у Зимнего оказалось вполне достаточно, однако сказывалось отсутствие командного состава – среди защитников Временного правительства присутствовало всего 5 офицеров. Тем не менее, оборону правительство держало. Даже не ясно, каким образом!

В 23 часа мы начали обстреливать Зимний дворец из орудий Петропавловской крепости, сделавших 35 выстрелов боевыми снарядами, из которых только 2 слегка «царапнули» карниз Зимнего дворца. Когда поднявшие восстание захотели пустить в ход 6-дюймовки крейсера «Аврора», то выяснилось, что в силу своего расположения, крейсер стрелять по Зимнему дворцу не может физически. И дело ограничилось устрашением в виде холостого выстрела.

Правительство, как я совершенно точно могу сказать сейчас, не особенно пыталось сопротивляться. Они были слишком жалки. И для нас, штурмующих большевиков, Зимний дворец не мог представлять серьезного препятствия, так как его обороняли только со стороны фасада, и при этом забыли даже запереть задние двери со стороны Невы, через которые стали без труда проникать матросы с рабочими.

Часть дворца, примыкающая к Эрмитажу, была быстро заполнена большевиками. Юнкера тщетно пытаются зайти с тыла. В коридорах дворца происходят постоянные столкновения. Все серьезно вооружены: в руках револьверы, к поясам пристегнуты ручные гранаты. Но никто не мог выстрелить или бросить гранату, большевики и враги перемешались так, что не могли в этой борьбе отличить друг друга. Но судьба Зимнего была уже решена. Солдаты, матросы и рабочие напирали снаружи, сбрасывали юнкеров с баррикад, быстро врывались через двор, оттесняли юнкеров, разве эти малолетки могут противостоять народу? А сзади-то сзади уже напирала следующая волна. Большевики вливаются во двор, затем во дворец и распределяются по лестницам и коридорам. На паркете, все вперемежку: матрацы, буханки хлеба, люди, винтовки, гранаты. Но где же правительство? Вот она дверь, у которой остатки самых смелых юнкеров застыли в уже бесполезной позе последнего сопротивления. Старший из караула бежит к министрам: приказывают ли они биться до самого конца? Нет, – звучит ответ. Министры этого уже не приказывают. Дворец все равно взят.

Лишняя кровь не нужна. Они уступают силе. Правительство хочет сдаться с достоинством. Они рассаживаются за столом, как на заседании.

Несмотря на всю ту опасность, когда в Зимний дворец ворвалась разношерстная толпа, возбужденная боевой обстановкой стрельбы, бомбами и порохом, с присущими такой толпе эксцессами и насилием, министры Временного правительства не проявили ни растерянности, ни колебаний. Кто-то из министров даже довольно мужественно сказал: «Мы не сдались и лишь подчинились силе, и не забывайте, что ваше преступное дело еще не увенчалось окончательным успехом».

Красиво сказано. Но они, конечно, проиграли. И мы были просто счастливы нашей победе!

В тот день я открыл новую страницу для русского народа. Я добился того, чего давно жаждал, и того, чего мы все давно ждали. Зимний – наш, временное правительство – повержено! Эмоции не передать словами это поймет только тот, кто всю жизнь положил на благо революции. Все, кто не верил в победу, заткнули свои вонючие рты.

Теперь начнется совсем другая жизнь, полная правильных идей. Мы поведем народ в светлое и великое будущее. Одна за другой разрушатся те иллюзии, один за другим падут те предрассудки, которые делали русский народ доверчивым, терпеливым, простодушным, покорным, всесносящим и всепрощающим». Посмотрите, как быстро выпрямляется вчерашний раб, как сверкает огонек свободы даже в полупотухших глазах. Как пробуждается русский народ от гнета. Как он поднимается и выпрямляется. И как прекрасно наблюдать этот сдвиг со стороны! Как ясно я теперь вижу, что я могу изменить все, – даже ход истории!

Но я так был занят тем, что освобождал народ, что даже не заметил, как мои женщины отдалились от меня. Каждая была занята своей работой. Каждая ее выполняла мастерски по-своему. Они наравне с другими партийцами трудились на благо родины. Как беззаветно они вкладывали свои силы в наше общее дело! Да, мы стали меньше видится даже с женой. Но ни одна из них не ропщет, ибо видят, какие события происходят сейчас в стране. Ни разу они не упрекнули меня в невнимании к ним, мы как лошади в одной упряжке неслись все вместе во весь опор. И сейчас я чувствую, насколько все мы пропитаны одной идей!

Без поддержки этих женщин я бы не справился. Они были моим невидимым тылом все эти годы подготовки к великим делам. Они поддерживали меня, жили ради меня. Сейчас я понял это со всей очевидностью. Таких женщин нельзя не ценить и

нельзя не уважать.

Я еще часто буду встречаться с Инессой в Петербурге и Москве и еще не раз обижу Наденьку. Но только, как и прежде, я буду знать, что скоро все закончится. Но этот роман с Инессой будет жить в моем сердце всегда. Потому что больше уже никогда я не встречу такую потрясающую женщину, как она!

Глава 16. Предчувствие

Ивот мы снова в нашей дорогой и холодной России. Нам, соскучившимся по родине, она казалась самой любимой. А мне вдруг страстно захотелось вернуться обратно. Туда где мы были вместе. Ибо здесь мы уже совсем не вместе. Владимир занят делами партии, я тоже не сижу без дела.

Мы еще до всех произошедших событий рассматривали с Александрой Коллонтай возможные перемены в жизни женщин. Мы считали, что будет правильно реорганизовать домашнюю работу и воспитание детей. Это станет основной в вопросе трансформации семьи. Мы думали, что домашний труд отомрет и будет просто лишним при социализме. Он должен быть заменен общественными кухнями, столовыми, яслями, прачечными и другими благами, которые освободят женщин от домашних нагрузок.

Хотя вслед за Марксом и его последователями, мы были убеждены, что решение проблемы женской эмансипации может произойти только при социализме, мы первыми среди российских социал-демократов подошли к идее, что должны быть найдены особые подходы к работающим женщинам. Мы обе считали, что решение женского вопроса лежит в обеспечении экономических возможностей для женщин, нежели в предоставлении политических прав, которых добивались женщины в буржуазных кругах. В то же время мы осознавали, что освобождение женщин не произойдет автоматически из-за изменений в экономических структурах или посредством развития законодательства. Дополнительно должны быть изменены семейная жизнь, распределение домашних и материнских (родительских) обязанностей, воспитание детей и сексуальные отношения. В 1918 году делая обзор результатов работы первого общероссийского съезда трудящихся женщин, я подчеркнула, что вопросы защиты материнства и детства, ведения домашнего хозяйства рассматривались на нем не потому, что другие проблемы не интересовали работающих женщин. До тех пор, пока старые формы семьи, домашней жизни и воспитания детей не будут изменены, невозможно искоренить эксплуатацию и создать нового человека. В решение этих задач я ушла с головой. Стараясь заменить работой все те чувства и эмоции, которые я все еще испытывала к Владимиру.

Я пыталась объяснить большевиками, что никакой разницы между мужчинами и женщинами не должно быть – освобожденные от бытовых проблем женщины должны

включаться в социально-полезную работу, направленную на благо партии и родины. Мы с Александрой были первыми руководителями созданного нами в 1919 году женотдела для решения женского вопроса в условиях политических разногласий первых лет большевистской власти.

Что же касается наших отношений с Владимиром, то постепенно они сошли на нет. Ленин делал революцию, ему было не до женщин. Он объединял вместе общество, которое должно было слиться в такой могучий поток революционного пламени, перед которым не устоит никакая сила на свете. И у него это получилось – объединение пошло, и пошло тысячами. Я вижу, как народ учится революции – а нам нужно только не отставать от задач момента, уметь показывать всегда следующую, высшую ступень борьбы, извлекая опыт и указания из прошлого и настоящего, призывая смелее и шире рабочих в крестьян вперед и вперед, к полной победе народа, к полному уничтожению той самодержавной шайки, которая борется теперь с отчаянием осужденного на смерть.

Подумать только, как часто находились среди социалдемократии люди, особенно из интеллигентского крыла, которые принижали задачи движения, которые малодушно изверивались в революционную энергию рабочего класса. Некоторые думают и теперь, что так как демократический переворот буржуазен по своему общественно-экономическому характеру, то пролетариату не следует стремиться к руководящей роли в нем, к самому энергичному участию, к выставлению передовых лозунгов свержения царской власти и учреждения временного революционного правительства. События учат и этих отсталых людей. События подтверждают боевые выводы из революционной теории марксизма. Буржуазный характер демократической революции не означает, что она может быть выгодна только буржуазии. Напротив, она всего более выгодна и всего более нужна пролетариату и крестьянству. События показывают все очевиднее, что только пролетариат способен на решительную борьбу за полную свободу, за республику, вопреки ненадежности и неустойчивости буржуазии. Пролетариат может встать во главе всего народа, привлекая на свою сторону крестьянство, которому нечего ждать, кроме гнета и насилия от самодержавия, кроме измены и предательства от буржуазных друзей народа. Пролетариат, в силу самого своего положения как класса, в современном обществе, способен раньше всех других классов понять, что великие исторические вопросы решаются, в конечном счете только силой, что свобода не дается без величайших жертв, что вооруженное сопротивление царизма

должно быть сломлено и раздавлено вооруженною рукою. Иначе нам не видать свободы, иначе Россию ждет судьба Турции, долгое, мучительное падение и разложение, мучительное в особенности для всех трудящихся и эксплуатируемых масс народа. Пусть буржуазия унижается и холопствует, торгашествует и клянчит подачек, добиваясь жалкой пародии на свободу. Пролетариат пойдет на бой, поведет за собой истерзанное самым подлым и невыносимым крепостничеством и надругательством крестьянство, пойдет к полной свободе, которую может отстоять только вооруженный народ, опираясь на революционную власть.

Вот так сказал мне Владимир, когда мы виделись с ним. Точнее он сказал это не только мне, он говорил и повторял это всем большевиками. И он был прав. Взятие Зимнего подтвердило его теорию действием.

Я скучала по Владимиру, конечно, скучала. Но он все решил за нас. Политика всегда была его главной женщиной, даже главнее, чем Крупская. Вот он и занимался сейчас только ей. Политика полностью заняла ее место, вытеснив постепенно и меня. Я не обвиняла Ленина ни в чем, потому что знала, что так рано или поздно произойдет. Просто хотела, чтобы это произошло как можно позже…

Зато теперь я волновалась за Владимира гораздо сильнее, чем раньше, ведь врагов у него стало гораздо больше. У тех, кто стоит у руля, всегда больше недоброжелателей, чем у простых смертных.

О покушениях на Владимира я узнала, наверное, первой. Мой внутренний голос как будто заставил меня почувствовать это. Хотя ничто еще не предвещало беды. И я, как обычно, занималась партийной работой, но вдруг почувствовала, как внутри, словно что-то обрывается, как будто я чувствую, что теряю что-то самое дорогое, что у меня есть. Я в ужасе бросилась к телефону и позвонила мужу, но с детьми все было в порядке. Сердце бешено колотилось, у меня было ощущение, что надвигается что-то страшное, что-то чудовищное, чего я никак не могу предотвратить.

Будто огромная стихия движется на меня, и вот-вот низвергнет свою мощь. Это не передать словами! Я ходила по своему кабинету, как вдруг за окном потемнело, и почти сразу же полил дождь. Что это? Я точно знала, что мне подают знак. Но какой… этого я понять не могла. И тут в душе что-то екнуло – Владимир. С ним произошла беда! Снова кидаюсь к телефону и прошу соединить меня с ним или Надеждой Константиновной: обоих нет ни на квартире, ни в Кремле. Прошу соединить с кем-нибудь, кто недавно с ними общался… Соединили с каким-то

товарищем. Как сумасшедшая сто раз переспрашиваю, все ли в порядке с товарищем Лениным, здоров ли он? Товарищ несколько удивлен моим странным поведением, но заверяет, что видел Ленина буквально полчаса назад, и с ним все было хорошо.

Немного успокаиваюсь. Слишком я стала впечатлительна, а может быть, просто меняется погода… Я ведь давно не жила подолгу в России, и отвыкла от ее климата. Я тогда не подозревала, что это ощущение не покинет меня ни тогда, когда в первый раз будут стрелять во Владимира и промахнутся, ни когда во второй раз две пули Каплан попадут в него. Я, разумеется, просила, чтобы Владимиру передали, что я звонила и просила беречь себя. Но я знала, что он – человек, отдающий всего себя без остатка своему делу, вряд ли даже к сведению примет мои слова.

Мне еще больше захотелось быть рядом с ним, обнять, прижать его к себе. Или хотя бы быть просто рядом. Я пыталась его забыть, но не сумела, потому что Владимир – он такой один… Тот, который останется в моей жизни и в моем сердце навсегда.

И что бы ни происходило, я всегда буду переживать за него. Я чувствовала, что в моей душе с каждым днем нарастает тревога. Знаете, как кошки, которые чувствуют дрожь земли задолго до начала землетрясения? Так и я чувствовала, что должно произойти что-то ужасное.

Но самое ужасное заключалось в том, что я не могла ничего предотвратить. Даже говорить и предупреждать не имело смысла, потому что я знала, что Владимир не станет слушать. Он скажет только:

– Инесса, вы слишком впечатлительны. Да-да, он опять начал говорить мне «вы», как в самом начале нашего знакомства. А для меня это «вы» стало звучать приговором. Он четко разграничил то, что было до приезда в Россию, и то, что стало теперь.

И, кажется, его сейчас не волновало ничего кроме партии. Ну что ж, если он счастлив, то я не буду ему мешать… Для меня он оставил только прошлое, им я и буду жить…

Глава 17. Покушение и расплата

Первая попытка покушения на Владимира произошла вскоре после свержения временного правительства. 1 января 1918 года вечером около половины восьмого по машине, в которой ехали Ленин, его сестра Мария и швейцарский социал-демократ Фриц Платтен, было произведено несколько выстрелов. Но Платтен, сидевший рядом с Владимиром, быстро сориентировался и успел пригнуть голову Владимира рукой, но за такую самоотверженность сам получил ранение. Террористы успели скрыться с места происшествия. А последующие поиски чекистов так ни к чему и не привели. Гораздо позже находившийся в эмиграции князь И. Д. Шаховской неожиданно заявил, что покушение организовал он, и выделил для этих целей полмиллиона рублей.

Когда я узнала про это происшествие, я сразу вспомнила свое предчувствие. Написала Владимиру, как я переживаю, но он ничего мне не ответил. Оно и понятно – дел у него тогда было по горло. Я уже тогда знала, что за этим последует череда покушений, ведь сейчас Ленин как будто нарочно дразнил недругов своей популярностью и успехами. И каждый из врагов Владимира наверняка мечтал прикончить удачливого вождя.

Как я думала, так и вышло. Хотя второе покушение на Владимира было задушено в зародыше благодаря удачному стечению обстоятельств. Но это второе покушение не заставило себя долго ждать – уже в середине января 1918 года к управляющему делами Совнаркома товарищу Бонч-Бруевичу пришел солдат, представившийся георгиевским кавалером Спиридоновым. Он заявил, что он пришел с важным сообщением для Владимира Ильича. Управляющий велел ему немедленно говорить. Оказалось, что ему, солдату Спиридонову, поручено выследить, а затем либо захватить, либо убить главу советской власти. Работу наемного «киллера» оценили не много – не мало – в 20 тысяч рублей золотом. Далее последовал допрос солдата членом Чрезвычайной комиссии Ворошиловым, из которого выяснилось, что покушение готовил «Союз георгиевских кавалеров» Петрограда. В ночь на 22 января 1918 года чекисты нагрянули на квартиру по адресу Захарьевская улица, 14. Там-то участников, готовивших покушение на жизнь вождя, и взяли с поличным. При обыске в квартире обнаружили оружие – винтовки и револьверы, а также ручные бомбы.

Все это я узнала от своего хорошего знакомого, который продолжал работать вместе с Владимиром. Как же я боялась за

Володю! И как мне хотелось быть с ним рядом в эти дни. Я, не колеблясь ни секунды, заслонила бы его своим телом, если бы это понадобилось. Но в тот год я уже не была нужна ему так сильно как раньше. Мы вели с ним довольно активную переписку, но виделись все реже.

Наверное, любая любовь имеет свой срок годности, и, видно, у нашей он уже истек… Я хотела все вернуть, но Владимир полностью погрузился в работу, и сейчас я отчетливо осознала, что значит не быть его женой. Надежда Константиновна постоянно могла быть рядом с ним, а я такого права не имела. Но, несмотря на мои переживания, я больше волновалась о том, что это не последнее покушение.

И вот 30 августа 1918 года случилось третье покушение на Ленина. Третье и успешное. Ох, как же я тогда испугалась! Постарела лет на 20 за один день! И не находила себе места от волнения за жизнь того, кто был для меня самым главным мужчиной в жизни.

В тот день в Москве, как обычно по пятницам, проводились митинги, и Ленин должен был выступать дважды: вначале в Басманном районе, на бывшей Хлебной бирже, а потом – в Замоскворечье, на заводе Михельсона. Вот как произошло это ужасное событие. Мне рассказывал уже после председатель заводского комитета Н. Иванов:

– На предприятии было вывешено объявление: «Все на митинг!» «Рабочие спешили домой переодеться, чтобы к 7 успеть на митинг. В назначенный час гранатный корпус, вмещавший пять-шесть тысяч человек, был переполнен… Я и председатель правления завода И. Я. Козлов сидели на помосте, на столе (у нас скамеек не было) и совещались перед митингом… Но никто не мог точно сказать, будет ли у нас выступать Ленин. Я открыл митинг и дал слово докладчику. Вдруг послышалось со всех сторон: «Ленин приехал!». Закончив выступление на Московском заводе Михельсона, вождь уже собирался сесть в свой автомобиль. Но его плотной толпой обступили рабочие, а одна из женщин начала с ним спорить о чем-то, с чем она была категорически не согласна. Не подозревая о готовящемся покушении, он решил ответить женщине. Всего несколько минут отделяли его от страшных событий.

О, если бы он сел тогда в машину, а не стал ничего обсуждать, то возможно ничего этого не произошло бы! Но Владимир так не мог! Видя заинтересованность людей, он не мог взять просто так и уехать. Он должен был убедиться в том, что его правильно поняли. И если необходимо – разъяснить непонятые моменты в своей речи или трудах. И тут прогремели три

выстрела.

Раненный двумя пулями, Владимир упал. Шофер успел заметить женскую руку с пистолетом. Но в суматохе лица стрелявшей никто рассмотреть не мог. Один из рабочих громко закричал: «Лови, держи!». И в этот момент он увидел странную женщину, которая стояла, не шевелясь, и застывшим взглядом смотрела на Ленина. Ее, разумеется, задержали, из окружающей толпы понеслись крики, что стреляла именно она. Задержанной оказалась эсерка Фанни Каплан, которая считала, что «дальнейшее существование Ленина подрывало веру в социализм».

Уже через три дня ВЧК приговорила ее к расстрелу. О ее расстреле я прочитала в газета «Известия ВЦИК» от 4 сентября 1918 года: «Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в товарища Ленина правая эсерка Фанни Ройдман (она же Каплан)». В этот же день в Петрограде был убит эсерами председатель Петроградской ЧК Моисей Урицкий, а через несколько дней большевики объявили «красный террор». Постановление СНК от 5 сентября 1918 года гласило: «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их… Что подлежат расстрелу все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры». Все эти сообщения лились словно бурная река. Я не знала, что мне думать, что делать. Я чуть было не лишилась любимого мужчины. Какое счастье, что выстрелы были не точны, и Владимир уже идет на поправку. Но некоторое время назад я могла потерять его навсегда.

Если мне казалось, когда мы расстались, что самое страшное – это быть без него, то я ошибалась! Сейчас я поняла, что самое страшное – это если его не будет на этом свете, и самое счастье – знать, что он дышит, живет. И не важно – со мной или без меня. Главное – что живой! Я разговаривала с Надеждой Константиновной, и мы обе чувствовали, что хотим только одного, – чтобы дорогой наш Владимир выздоровел. Более ничего

нам не было надо.

Когда я узнала, что в Ленина стреляла женщина, я была поражена и обескуражена! Эта Фанни Каплан точно безумна! Не может женщина решиться на убийство в здравой памяти. Я видела много женщин – рабочих, политиков, революционерок, просто богатых особ. Но среди них не было убийц. Видимо, это женщина с нелегкой судьбой и покалеченной психикой.

Владимир Ильич стойко перенес все три покушения. Он сказал только, что в таких свершениях не может обойтись без врагов. И что врагов у него всегда было предостаточно, но соратников – еще больше.

Говорил, что все, что он сделал, стоит этих ран. И что много еще темноты и забитости в народе, масса труда должна пойти на развитие самосознания рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Крестьянское движение – разрозненно, бессознательно, и что мы знаем лишь крохи правды о его размерах и характере. Но мы знаем твердо, что сознательный рабочий и поднимающийся на борьбу крестьянин поймут друг друга с двух слов, что каждый луч света сплотит их теснее для борьбы за свободу, что они не уступят тогда в руки презренно-трусливой и корыстной буржуазии и помещиков своей революции, той демократической революции, которая может дать землю и волю, дать все мыслимые в буржуазном обществе облегчения жизни трудящимся для дальнейшей борьбы за социализм. Посмотрите на центральный промышленный район. Давно ли казался он нам спящим глубоким сном, давно ли считали там возможным только частичное, дробное, мелкое, профессиональное движение? А там уже разгорелась другая жизнь. Поднялись и поднимаются десятки и сотни тысяч. Необыкновенно растет политическая агитация.

Что можно было ответить на такую пламенную речь, даже в таком положении, в котором оказался Ленин? Ничего! Только восхититься его твердостью духа. А мне было радостно от того что все закончилось благополучно. И что я снова просто знаю, что с Володей все хорошо.

Жизнь – она такая странная штука: ты никогда не можешь предугадать ход событий. Но ты должен уметь это делать, если ты – политик. В политике как в шахматной игре – все можно просчитать на несколько ходов вперед. Володя как всегда брал массы своим умом и бесстрашием. Он не боялся получить пулю в висок, он боялся проиграть, не удержать позиций. Это было для него важнее, чем собственная жизнь.

А мне и Надежде Константиновне нужно в жизни совсем другое. Да, мы обе – революционерки, но для нас важен Ленин, а не революция. Он – тот человек, ради которого мы делаем все,

чтобы его планы осуществились. Мы даже готовы рискнуть жизнью – ради Владимира, но не ради революции…

Вот и получается, что главное в жизни, как и в любви, – для каждого свое.

Каждый сам выбирает, ради чего жить. И я даже поначалу разозлилась на Ленина за то, что он так рисковал собой, не думая совершенно о наших чувствах, а потом поняла: значит он по другому не мог, значит так нужно. И пускай мы уже давно не вместе, но все так же дороги друг другу, я это чувствую, я это знаю.

Глава 18. Как все было на самом деле

По пятницам устраивали митинги, и сегодня я должен был выступать на двух заводах. Дел было очень много, и я даже подумывал, не перенести ли мне встречу с рабочими на другое время. Но они меня ждали, и я не решился обмануть их ожидания. К тому же, встретиться с рабочим классом было делом важным. Именно эти люди лучше всех распространяли в массах агитационные материалы, рассказывали и делились своими впечатлениями, тем самым настраивая и других на нужную волну.

На первом заводе встретили меня отлично. Настроение народа было боевым, направленным в новое светлое будущее. Я остался абсолютно доволен этой встречей. Хотя… как обычно, связки мои подустали, а сказать хотелось еще очень многое. Но зная, что мне еще придется выступать на одном митинге я не стал «сажать» голос полностью, решив что так будет целесообразнее. Да и когда мои связки стали сдавать, я выстраивал каждую свою речь таким образом, чтобы сразу переходить к главному, а уже потом говорить о деталях. Теперь я всегда мечтал о голосе Александры Коллонтай – мощном, сильном, которым можно было бы говорить без устали часами.

Ну что поделаешь, не дано мне этого, так не дано. Я и здесь приспособился. Жаловаться не приходится. На завод Михельсона я прибыл вовремя. Но, подъезжая к нему, у меня вдруг внутри что-то екнуло. Как будто кто-то сказал: Не нужно тебе быть сегодня там. Но я никогда не верил во всякие там шестые чувства и потому не прислушался к себе. Да и к тому же, я решил, что это все нервное напряжение из-за предыдущих двух покушений. Они были неудачны, и совершены разными людьми. Единственное, что их объединяло, – ни много ни мало, – ненависть ко мне.

И я не мог позволить себе испугаться и дать врагам почувствовать, что они запугали меня. О, нет не для того я шел к власти столько лет, чтобы кучка неудачников могла меня сломить. Поэтому я продолжал работать, несмотря ни на что. Хотя многие из большевиков говорили мне, что я сильно рискую. Да, я осознано шел на этот риск. Я не мог остановиться на достигнутом, когда впереди ждали огромные перемены.

Правда, в этот день на втором заводе я не знал, что ждали меня не только рабочие. Фанни Каплан приехала туда чуть раньше – около шести часов, спокойно ходила среди других

рабочих, прислушивалась к разговорам, которые велись в ожидающей меня толпе. Эсерка… Девушка с виду не приметная – на нее никто бы никогда и не подумал, что она готовит покушение. Не знал я и о том, что на территории завода в матросской форме появится другой эсер-террорист, Новиков. Именно он должен будет обеспечить успешные действия Каплан.

И вот когда в гранатном цеху митинг шел к своему логическому завершению, Каплан быстрым шагом вошла в помещение. Собравшиеся рабочие с энтузиазмом встретили мои заключительные слова. А я, спешно попросив у собравшихся извинения за свой срочный отъезд на заседание Совнаркома, двинулся по проходу цеха между людьми, на ходу надевая пальто. Все было спланировано! В тот момент, когда я уже стал подниматься по лестнице к выходу, парень в матросской форме преградил мне дорогу, бросившись мне под ноги и сделав вид, что споткнулся. Тут же вокруг создался затор. И вот тут я начал нервничать. Уж больно фальшиво все это выглядело. Я посмотрел по сторонам, вокруг меня была куча народа, и быстро отойти куда-либо не представлялось возможным. Я попытался протиснутся к выходу, но тщетно.

Парень вдруг стал задерживать людей и кричать: «Пропустите, пропустите товарища Ленина! Не напирайте!». Я оказался зажат небольшой группой рабочих и женщин, среди которых находилась и Фанни Каплан. Мне пришлось вместе с ними медленно идти к машине, я начал паниковать, а тут еще какая-то девушка начала задавать мне вопросы о провозе муки на железной дороге. Но вот я оказался рядом с машиной, один из рабочих открыл передо мной дверцу – и тут я услышал выстрел, а за ним – еще несколько. Я ничего не успел сделать, даже пригнуться. Только почувствовал, как падаю на землю, и как в толпе закричали: «Убили! Убили!». Поднялась суматоха – одни бросились бежать обратно в цех, другие – через ворота на улицу, тем самым увлекая за собой и убийцу.

После первого же выстрела мой шофер товарищ Гиль (как он потом рассказывал) увидел высунувшуюся из толпы женскую руку с браунингом. Он тут же выхватил свое оружие, выскочил из автомобиля, бросился было бежать за стрелявшей, но, увидев, что я лежу на земле, вернулся ко мне. Помню как хриплым, изменившимся до неузнаваемости голосом с большим усилием я спросил его: «Поймали его или нет?». На что шофер ответил мне поспешно: «Молчите, не говорите ничего. Вам тяжело».

Я видел лицо шофера, склонившегося надо мной, а тот вдруг закрыл меня своим телом и закричал куда-то в сторону: «Стой! Стреляю!». Я краем глаза смог разглядеть бегущего прямо на нас

матроса, того самого, что преградил мне путь на лестнице, и сейчас державшего правую руку в кармане. Услышав предупреждение Гиля, матрос резко свернул в сторону и выбежал за ворота.

Суматоха, крики, гул, топот – настоящий ад творился в тот день. Я услышал, как кто-то из женщин, увидев склонившегося надо мной водителя с оружием в руках, вцепилась в него, вопя: «Что вы делаете? Не стреляйте!». Но в это время кто-то, отдирая ее от моего шофера, крикнул ей: «Это свой! Свой!». И к Гилю уже от цеха бежали трое людей с револьверами, крича: «Мы – заводской комитет! Мы – свои!».

Двор быстро опустел. Около меня собралось несколько активистов. Они помогли мне подняться, сняли с меня пальто и пиджак. Кто-то перевязал рану куском собственной рубашки. Я смутно помню, как меня усаживали на заднее сиденье автомобиля, и как двое ребят из активистов сели рядом. Мой шофер быстро вырулил за ворота и повел машину в Кремль. Я потерял ненадолго сознание, а когда очнулся, оказалось, что мы подъехали прямо к моей квартире во двор. Здесь все трое помогли мне выйти из автомобиля… Помню, как они стали просить и умолять меня, чтобы я разрешил им внести меня, но я не согласился, и никакие уговоры не помогли, я твердо сказал: «Я пойду сам»… И, опираясь на ребят, я пошел по крутой лестнице на третий этаж…

Что же было потом? А потом Каплан задержал помощник военного комиссара 5-й Московской советской пехотной дивизии Батулин. Дело было как раз после митинга и он, также как и я, застрял в заторе, созданном неприметным морячком. Ему пришлось прокладывать путь практически по головам рабочих и расталкивать их локтями, но все равно выбраться из толпы ему удалось с задержкой в 1–2 минуты. Он тут же бросился к группе людей, собравшейся около машины. Когда до нее оставалось всего каких-то 10–15 шагов, прогремели три выстрела, и он увидел, как я упал на землю лицом вниз.

– Я понял, что на жизнь товарища Ленина было произведено покушение, – давал показания в тот же день Батулин. – Человека, стрелявшего в товарища Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: «Держите убийцу товарища Ленина!». И с этими криками выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди.

Батулин, добежав до стрелки, остановился, ловить уже было некого. Он развернулся и быстрым шагом пошел в обратную сторону, но, проходя мимо дерева, он увидел странного вида

женщину, прислонившуюся к нему, с портфелем и зонтиком в руках. Батулин сразу же заподозрил в ней человека, стрелявшего в меня. Он задержал ее и повел обратно на завод, и тут же пожалел об этом, потому что оставшиеся разъяренные рабочие чуть не учинили над женщиной самосуд. Активисты посадили ее в заводскую машину и доставили в Замоскворецкий военный комиссариат. Там ее тщательно обыскали, и в присутствии председателя Московского трибунала А. Дьяконова, комиссара Замоскворечья И. Косиора, С. Батулина, комиссара И. Пиотровского и рабочего-михельсо-новца А. Уварова она сделала официальное заявление:

«Я – Фанни Ефимовна Каплан. Под этим именем отбывала каторгу в Акатуе. На каторге пробыла 11 лет. Сегодня я стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному побуждению. Я считаю его предателем революции. Ни к какой партии не принадлежу, но считаю себя социалисткой».

При допросе выяснилось, что ей 28 лет; место рождения – Виленская губерния; в Акатуе сидела как анархистка, хотя сейчас к ним не принадлежит; в меня стреляла по собственному решению, так как я «подрываю у трудящихся веру в народовластие».

Но, конечно, на вопросы о том, сколько раз она выстрелила, какой пистолет был при ней, были ли у нее сообщники, отвечать отказалась. Протокол допроса она также не пожелала подписать; его подписали свидетели Батулин, Пиотровский и Уваров. В 11.30 вечера допрос в Замоскворецком комиссариате закончился, и девушку отправили на Лубянку в ВЧК. Там в начале первого было проведено еще четыре допроса. Первым допрашивал заместитель Дзержинского Я. Петере, вторым – нарком юстиции РСФСР Д. Курский, третьим – снова Петере, четвертым – заведующий отделом ВЧК Н. Скрыпник. Эти допросы завершились в 2.25 утра и заняли в общей сложности около полутора часов. Фанни твердила, что в меня стреляла именно она, но не призналась ни в чем, что позволило бы выявить организаторов покушения. Всем на Лубянке было ясно, что за этой девушкой стоят совсем другие люди, а она – только лишь глупый исполнитель.

Уже 3 сентября на Лубянку приехал комендант Кремля, бывший балтийский матрос П. Мальков, у него имелось предписание о переводе Каплан в Кремль в полуподвальную комнату, строго охраняемую стрелками. Но уже через несколько часов секретарь ВЦИК Аванесов вручил Малькову постановление ВЧК о расстреле Фанни Каплан.

Вот как мне передал этот диалог один из моих товарищей, присутствующий при нем, но имя его я раскрыть не могу.

– Когда расстрелять? – спросил Мальков.

– Привести приговор в исполнение немедленно, – ответил Аванесов, а затем, немного задумавшись, спросил: – Где, думаешь, это лучше будет сделать?

– Я считаю в тупике, во дворе Автоброневого отряда.

– Прав.

– Как от тела будем избавляться? – спросил Мальков.

– Этого мне не уточняли. Надо спросить у Свердлова.

Затем они пошли к Якову Свердлову. В кабинете Аванесов спросил, где хоронить Каплан. И тут, как вспоминает мой товарищ, Яков Михайлович «медленно поднялся и, тяжело опустив руки на стол, будто придавив что-то, чуть подавшись вперед, жестко, раздельно произнес: «Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа».

Мальков вышел из кабинета и направился в комендатуру, вызвал несколько стрелков-коммунистов и уже вместе с ними отправился в Автоброневой отряд. Здесь он велел начальнику отряда из боксов вывести несколько грузовиков и включить моторы, а в тупик загнать один легковой автомобиль, повернув его к воротам… У ворот также остались два стрелка, которым было запрещено кого-либо пропускать, Мальков пошел за Каплан и через несколько минут вывел девушку во двор.

По правилам во время казни должен был присутствовать врач – именно он составлял акт о наступлении смерти. Решено было обойтись без врача, его заменил поэт Демьян Бедный. Узнав о предстоящем расстреле, он напросился в свидетели – то ли потому, что по образованию был фельдшером, то ли потому, что дружил с Мальковым. Пока гремели выстрелы, Демьян держался бодро. Он даже помог попросившим его большевикам засунуть в бочку еще теплый труп и облить его бензином. Он держался хорошо и в тот момент, когда Мальков никак не мог зажечь отсыревшие спички, – поэт великодушно предложил свои. А вот когда вспыхнул костер, и запахло горелой человечиной, певец революции шлепнулся в обморок. «Интеллигенция», – усмехнулся Мальков и отправился к Свердлову, чтобы доложить о выполнении задания.

– В 4 часа дня 3 сентября 1918 года возмездие свершилось. Приговор был исполнен. Исполнил его член партии большевиков, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля Павел Дмитриевич Мальков – собственноручно. Тело Фанни Каплан было сожжено в железной бочке.

Отрапортовали мне в тот же день. Но я знал, что все не закончилось, ведь истинные заказчики не были наказаны. И расстрел Каплан был только отпугивающим маневром с нашей

стороны. Чтобы не думали эссеры, что сойдет им с рук то, что они творят. И что мы будем биться с ними и победим. Свергли царя – уничтожим и их.

Глава 19. Расплата

«Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью, и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя… Крепко тебя целую. Твоя Инесса».

Писала я Владимиру и каждый день ждала ответа. Хотя знала – он занят и редко отвечает мне.

Это так больно, когда чувствуешь себя одинокой, а именно такой я себя и ощущала. Внутри как будто образовался вакуум, который нельзя было заполнить ничем. Ни работой, ни новыми любовными связями. Да и не хотелось мне этого. Я чувствовала себя брошеной… После того, что было в эмиграции, мне казалось, что здесь я осталась совершенно одна. Дети только и могли, как и прежде, удерживать меня «на плаву». Но эта пустота внутри меня росла с каждым днем. И все больше мне хотелось убежать, скрыться ото всех, но я знала – это не поможет. От себя я все равно не смогла бы убежать.

Душа разрывалась от тоски, мне постоянно чего-то не хватало… Кого я обманываю? Мне не хватало его и до боли в сердце хотелось быть рядом с ним! Человек – странное существо: он все время желает большего, но, получив это большее, хочет еще и еще. Почему когда мы были вместе, мне было мало? Сейчас нет и этого! И так тошно мне… Что хватило бы смелости – убила бы себя. Кто так зло подшутил над человеком, дав ему возможность чувствовать и ощущать все каждой клеточкой своего тела?.. Зачем это нужно-то было?!

Хотя я ни о чем не жалею в своей жизни. И если бы не было переживаний, если бы я не могла чувствовать, то была бы еще более несчастна. Чувствовать любовь – это драгоценный дар, и без него мы были бы не полноценны. И не важно – любите ли вы мужчину или работу, детей или родителей, любовь – это то чувство, которое будет с вами всегда. И я бережно храню в своем сердце свою любовь. Я помню все, что было между нами. И возможно кто-то скажет, что это нельзя назвать любовью в полной

мере. Но я отвечу вам так: каноны, рамки и общепринятые мнения рано или поздно устаревают. И нельзя следовать им – каждый человек индивидуален, и никто не имеет права указывать, что, как и кому чувствовать, страдать, любить. У меня все было так, а у кого-то иначе. Но мое чувство было сильным, светлым и всепоглощающим. Оно дарило мне незабываемые минуты, часы, дни, годы, и я благодарна судьбе за то, что когда-то приехала в Париж и познакомилась там с самым важным для меня человеком. А все остальное уже не важно… Как хорошо, что воспоминания никто не может отобрать. Это целый мир, мир который принадлежит только тебе.

Тем временем революция, как ненасытный упырь, быстро высосала из меня все силы. Всегда энергичная, я рьяно бралась за любое дело и буквально «горела» на партийной работе. Крупская даже как-то сказала мне: «Инесса, ты еле держишься на ногах. Даже твоей энергии не хватает на ту колоссальную работу, которую тебе приходится вести».

Если говорить честно, все эти треволнения – и личные, и партийные – измотали меня донельзя. Это постоянное напряжение стало слишком велико.

Как мало теперь я стала любить людей. Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное – почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и В. И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, свою страсть В. И. и делу революции, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато… Я – живой труп, и это ужасно!

Но Владимиру недосуг тратить на меня слишком много времени. К тому же, теперь, в России, Надежда, кажется, была ему нужна больше прежнего: она стояла в центре всей организационной работы, принимала приезжавших товарищей, наставляла и отпускала отъезжавших, устанавливала связи, давала явки, писала письма…

Я же стала для него как глава в прочитанной книге. Хотя дружеские отношения у нас были довольно теплые. Но мне не хватало этого.

Ото всего происходящего в моей жизни я впала с жуткую депрессию, практически перестала есть, много плакала и ни с кем не общалась. Без любви и поддержки даже революция не возможна…

Обеспокоенный моим здоровьем, Владимир велел мне съездить отдохнуть и подлечиться на Кавказ. Правда, я хотела побывать во Франции, но Владимир сказал – на Кавказ, и я

поехала на Кавказ.

Сначала я приехала в Кисловодск, однако там было небезопасно – разбойничали бандиты, и я перебралась в Нальчик. А по дороге… заразилась холерой…

Я плачу молча, плачу внутри меня, плачу безнадежно, потому что я знаю, что уже никогда не вернусь обратно и никогда не увижу своего любимого – его прищуренных глаз, которые так любила, которые так самозабвенно целовала, забыв обо всем на свете… Никогда… Какое это страшное слово…

Эпилог

24 сентября 1920 года Инессы Арманд не стало, она умерла от холеры в возрасте 46 лет, оставив после себя пятерых детей. В Петроград пришла срочная телеграмма: «Вне всякой очереди. Москва. ЦК РКП. Совнарком. Ленину. Заболевшую холерой товарища Инессу Арманд спасти не удалось тчк Кончилась 24 сентября тчк Тело препроводим в Москву тчк Назаров».

Похоронили Инессу Арманд на Красной площади у Кремлевской стены. На ее похоронах 12 октября 1920 года, по свидетельству Александры Коллонтай, Ленин «был неузнаваем». Он шатался, шел с закрытыми глазами. «Мы думали, что он упадет».

Другая участница траурной церемонии, Анжелика Балабанова, вспоминала: «Я искоса посматривала на Ленина. Он казался впавшим в отчаяние, его кепка была надвинута на глаза. Всегда небольшого роста, он, казалось, сморщивался и становился еще меньше. Он выглядел жалким и павшим духом. Я никогда ранее не видела его таким». Балабанова сказала, что глаза Ленина «казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах».

«Не только лицо, весь облик Ленина выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему. Было ясно, что он хотел побыть наедине со своим горем. Всякий раз, как движение толпы напирало на нашу группу, он не оказывал никакого сопротивления толчкам, как будто был благодарен за то, что мог вплотную приблизиться к гробу». У кремлевской стены он возложил венок из белых гиацинтов, на черной ленте было написано: «Тов. Инессе от В. И. Ленина».

«Боюсь, – писала Крупская, – чтобы смерть Инессы не доконала Володю, – он плачет и смотрит в одну точку».

Крупская и Ленин взяли под свою «опеку» детей Арманд. Ее дочь Варвара Арманд рассказывала: «После смерти моей матери Владимир Ильич и Надежда Константиновна взяли над нашей семьей шефство. Мы постоянно ходили к Надежде Константиновне. Иногда на 3–5 минут приходил Владимир Ильич. Он не садился, а быстро ходил по комнате, включался в наш общий разговор, даже если мы говорили о пустяках, оживляя его своей шуткой, расспросит немного и уходит работать. Иногда мы пили чай вместе»…

Один из знакомых Надежды Крупской отмечал: «Нельзя не отметить проявленное потом Крупской, совершенно особое, мужество самозабвения. Под ее редакцией вышел сборник статей,

посвященных «Памяти Инессы Арманд», и ее портрет и теплые строки о ней она поместила в своих воспоминаниях… Далеко не всякая женщина могла бы так забыть себя…»…

Ленин умер 21 января 1924 года – в возрасте 53 лет в подмосковном имении Горки, всего 4 года спустя после смерти Инессы Арманд и 6 лет после революции, которой посвятил всю свою жизнь. Официальная причина смерти – кровоизлияние в мозг, которое стало последствием покушения на него Фанни Каплан 30 августа 1918 года.

Крупская же дожила до 1939 года и скончалась в возрасте 70 лет, пережив супруга на 15 лет. После смерти она была кремирована и захоронена в Кремлевской стене. Говорят, что после смерти Ленина, она настаивала на том, чтобы его похоронили рядом с Инессой Арманд…

Письма

Письма, приведенные в этой главе, являются поистине большой редкостью, ибо в советское время многие из них были уничтожены властью для создания истинного идеала в лице Владимира Ленина. Считалось, что репутация вождя должна быть кристально чиста и ни в коем случае не «запятнана» какими-либо любовными страстями. Многие из этих писем также были уничтожены самими авторами, поэтому даты часто не указаны, а в отрывках некоторых текстов можно только догадываться о том, что имела ввиду Арманд, или что хотел сказать тем или иным намеком Ленин. Но во всей их переписке, о чем бы ни шла речь, читатель почувствует как нежно и трепетно относились эти два человека друг к другу.

Кстати, Владимир Ленин просил Арманд после того как закончились их более близкие отношения вернуть ему письма, но она не пожелала этого сделать или же вернула ему только часть их переписки. Советское время и революционные идеи, которым они были верны, оставили свой отпечаток и в их жизни и в их письмах друг другу…

К И. Ф. Арманд

Дорогой друг! Ужасно рад твоему дружескому, милому, хорошему, теплому письму. Благодарен тебе за него несказанно.

Твой В. У.

К И. Ф. Арманд

Дорогой друг! Пишу кратко о делах: Победа! Ура! Большинство за нас. Я здесь останусь около недели, и, вероятно, мне придется много работать. Я в восторге от того, что мы победили.

Преданный Вам,

В. И.

К И. Ф. Арманд

Январь 1914 г.

Получил письмо от Бухарина из Вены. Он виделся с Бурьяновым, который ехал от Плеханова. По-видимому, плехановцы и другие нефракционные собираются предпринять какую-нибудь совместную «акцию»: кажется, Плеханов хочет издавать газету. Троцкий с публикой выпускают в самом непродолжительном времени свой журнал «Борьба». У них произошло примирение с «Лучом»; по сему поводу велась переписка. «Чистые» ликвидаторы останутся в «Нашей Заре» – так «надеется»

эта публика.

Так пишет Бухарин. Новости эти очень важны. Дыма без огня не бывает, и, вероятно, мы присутствуем при новой волне идиотского примиренчества, которой, наверное, пожелает воспользоваться МСБ для комедийного действа в духе пленума I. 1910. Ну, мы теперь на своих ногах и эту шваль разоблачим.

Надо изо всех сил постараться (конечно, архитактично) собрать и собирать всякую информацию в Париже. Дурак Антонов не умеет собирать сплетни у Стеклова, а Стеклов умеет тянуть с него деньги. Денег же у нас ни гроша, Каменев с семьей – ничегошеньки не имеет. Добейся поэтому, чтобы КЗО ни единой копейки не отдавал никуда, кроме как нам. Деньги нам до зарезу будут нужны вскоре на издание ЦО, особой брошюрки и одного важнейшего издания.

Примиренцы всех цветов собираются «ловить» нас! Мы этих мерзавцев – шутов гороховых поймаем. Они лезут в болото блоков с ликвидаторами? Наша тактика: неприятель делает ошибочное движение – дать ему побольше времени поглубже залезть в болото. Там мы этих негодяев накроем. Пока, значит, копить силы и деньги, – быть сдержанным (архи!) – разузнавать побольше.

К И. Ф. Арманд
28 января 1914 г.

Вчера послал Н. В – чу рукописи для № 1 «Бюллетеня». Послал и инструкцию по пунктам.

Прочти. Добейся, чтобы исполнили точно. Уверь публику, что, ей-ей, мы раскассируем КЗО, т. е. помимо него назначим свою комиссию (от ЦК), ей-ей, не шучу, если дело издания и отсылки «Бюллетеня» (дело первой общепартийной важности) не будет поставлено архиаккуратно, не по-антоновски.

Я требую буквально строгого исполнения моих инструкций о «Бюллетене». Это раз. Второе: КЗО должен создать комиссию деловую, чтобы не Антонов (милый человек и товарищ, но бездельнейший фантазер, безрукий на смех), чтобы не подвел практическую сторону дела.

Издавать и печатать в типографии. Контроль от КЗО (+ комиссии) должен быть специальный и ежедневный. Инструкции перепишите и блюдите архиточно.

Проведи это через КЗО, наладь комиссию. Повторяю, дело первейшей важности. Ответь мне скорее, все ли сделано. Я еще здесь, в Брюсселе, жду корректур.

Прилагаю письмо для Вл. Хр. Прочти, дай Н. В..

Комиссию помощи назначьте до моего отъезда отсюда (неделю пробуду, до вторника-среды). Ты поймешь важность дела и

повозишься изо всех сил, я уверен.

Твой В. У.

NB. У нас ни гроша. Все оплачивать должен КЗО.

P. S. Эдишеров – мертвый человек. Камский – тоже. Ты уедешь. Кто же остался?

Надо 2–3 рукастых, деловых людей приставить, чтобы они бегали, суетились, ежедневно по 2–3 раза были в типографии и выпускали «Бюллетень» вовремя, ведя все сношения с нами архиаккуратно.

К И. Ф. Арманд
24 января 1915 г.

По поводу Вашего плана брошюры я находил, что «требование свободы любви» неясно и – независимо от Вашей воли и желания (я подчеркивал это, говоря: дело в объективных, классовых отношениях, а не в Ваших субъективных желаниях) – явится в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием. Вы не согласны. Хорошо. Рассмотрим дело еще раз.

Чтобы неясное сделать ясным, я перечислил примерно десяток возможных (и неизбежных в обстановке классовой розни) различных толкований. Их Вы «немного не понимаете» и «возражаете»: «не понимаю, как можно (так и написано!) отождествлять (!!??) свободу любви? Выходит, что я «отождествляю», а Вы меня разносить и разбивать собрались? Как это? Что это? Скажите, что буржуазные дамы понимают под свободой любви?

К И. Ф. Арманд

Дорогой друг!

Еще одно поручение – если дачные поручения очень Вам надоели (я испытываю угрызения совести, ибо Вы уже очень много хлопотали из-за них), то бросьте, я выпишу отсюда, – а если пойдете мимо Kaiser'a, то спросите образчики больших конвертов для посылки толстых рукописей. Купите таких конвертов несколько десятков. Нужны мне крепкие и из крепких дешевые.

У нас опять дожди. Надеюсь, небесная канцелярия выльет всю лишнюю воду к Вашему приезду и тогда будет хорошая погода. Подбирали ли себе хорошую французскую беллетристику в библиотеке (Stadtbibliothek)? Я читал…

Ваш В. И.

К И. Ф. Арманд
1916 г.

Дорогой друг! От Вас еще нет весточки. Не знаем, как доехали и как поживаете. Хорошо ли устроились? Хорошо ли работается в библиотеке? Получили письмо к Вам от одного из пленных. Письмо попало в другой дом, другому русскому (не дали ли Вы на почте адрес неверный – наш адрес? Не забыли ли буквы около цифры?).

Имеем некоторые хорошие вести с родины. Жму крепко руку и желаю от души успеха в занятиях.

Ваш В. И.

К И. Ф. Арманд
1916 г.

Дорогой друг!

Вот уж третью открытку посылаю Вам. На этот раз по-французски, чтобы цензорам облегчить работу, если они являются причиной опоздания писем. По правде

Ваш В. И.

К И. Ф. Арманд
19 января 1916 г.

Честно говоря, я уже в течение нескольких дней беспокоюсь: никаких известий от Вас! Если Вы обижены на меня, Вы бы, вероятно, написали другим друзьям, но, насколько известно, Вы не пишете никому! Если я в ближайшие дни не получу от Вас письма, я напишу нашим друзьям, чтобы узнать, не заболели ли Вы. Я уже не один раз осведомлялся насчет писем до востребования – нет ничего.

Конфликт с нашим молодым другом – поляком разрешился благополучно; было только некоторое «недоразумение» (это он об этом заявляет). Теперь все идет хорошо; составление журнала уже началось; он должен быть уже издан в январе месяце.

Писали «вашему» редактору в один из городов романской Швейцарии. Он абсолютно ничего не отвечает. Странно, не правда ли? Мы все ждем с нетерпением, чтобы Вы как-нибудь уладили дело с романами и новеллами в Париже, где Вы, наверное, найдете много народу, литераторов, издателей и так далее, так как Вы работаете в Национальной библиотеке и хорошо знаете эту публику.

Погода прекрасная. В последнее воскресенье мы предприняли великолепную прогулку на «нашу» маленькую гору. Вид на Альпы был необычайно красивым; я очень жалел, что Вас не было с нами. В один из последних дней Камилл Гюисманс произнес на конгрессе голландской партии очень большую и «дипломатическую» речь. Не знаю, сможете ли Вы найти текст ее во французских газетах. Если нет, Вы ее найдете здесь. Он «мимоходом» коснулся

сентябрьской конференции, он очень сильно протестовал против «попыток экспроприации» (он не хочет быть «экспроприированным» этот секретарь!) и так далее и так далее. Большой дипломат, политик!.. Какие негодные средства! Как Вы себя чувствуете? Довольны ли Вы? Не скучаете ли Вы? Заняты ли Вы очень? Вы мне причиняете много огорчений, лишая меня совершенно вестей о себе!

Ваш В. И.

К И. Ф. Арманд

Без даты

Дорогой друг!

Только сегодня получили Ваше длинное письмо, которому были очень рады. Я пишу Вам четвертое письмо: все три первые открытки были poste restante. Если Вы не получили их, значит, либо теряются, либо есть какие-либо особые правила (или неправильности) насчет писем до востребования. Троцкий писал нашему молодому польскому другу, что он и сам не будет писать в голландском журнале и не может посоветовать этого своим друзьям той нации, среди которой он живет. Значит, не миновать борьбы с Троцким даже по этому вопросу!

Да. Чуть не забыл (тороплюсь очень к поезду). Если с письмами до востребования особые неправильности, то, может, и я не получаю (ни одного не имел от Вас), хотя Вы пишете?

Ваш В. И.

К И. Ф. Арманд

Без даты

Дорогой друг! Книга, которую я должен был надписать («для дор. т-ща Володи» – ведь так?), осталась здесь. А адрес я затерял. Послать ли ее Вам? Или Вы пришлете мне адрес? Все поджидал от Вас резолюции КЗО и письма Гриши о Бризоне, но пока еще не получил. Надя шлет привет; не писала все время, ибо нездоровилось; запустила болезнь.

Ваш В. И.

К И. Ф. Арманд

Без даты

Дорогой друг! Большое спасибо за перевод. Прочесть его не удалось; я говорил в самом начале съезда, когда французы еще не съехались и ничего не переводилось по-французски. Постараюсь все же использовать перевод, пошлю его Абрамовичу и т. д., попытаемся напечатать где-либо.

Впечатление от съезда у меня хорошее. Первый раз за время войны на швейцарском съезде не только проявляется левая (в

1914 г. ее вовсе не было; в 1915 только-только проявлялась), но и прямо начинает сплачиваться в оппозиции и к правым и к «центру» (Гримм). Тут большая заслуга Радека; раньше, летом, он что-то напутал, ибо Григорий писал мне позитивно, что Радек ему писал, хвалясь, как я-де «помирил Гримма с Плат-теном» (хороша заслуга!). А Бронский ведет линию и втрое более колеблющуюся и втрое более глупую, чем Радек.

Радек приехал, и мы с ними «помирились» (была натянутость, близкая к разрыву). Накануне съезда удалось устроить частное совещание левых делегатов (на чем я настаивал уже три недели, но безуспешно до тех пор!). На этом совещании были все левые вожди, и молодые в том числе. Мы легко провели с Радеком, действуя дружно, вполне свою резолюцию, согласившись на приемлемые уступки. На съезде началась уже борьба. Первое сражение было по оценке фракции «националрата». Левые нападали. Гримм сыграл опять в центр и путем «поправочек» добился единогласного вота (немного спутав карты). Он увидал, что большинство явно на стороне Платтена. Завтра должен быть бой по вопросу о Кинтале: здесь проект левой резолюции выработан.

Ваш В. И.

К И. Ф. Арманд

Без даты

Дорогой друг! Надя рассказала мне о неприятностях, возникших в Берне и падающих также и на Вас. Если позволите дать совет: обращайте на них, пожалуйста, как можно меньше внимания. Право же, перемелется – мука будет. Очень рад Вашему плану переменить на лето воздух, на время. Крепко жму руку и желаю от души побольше бодрости и невнимания к бернским неприятностям.

Ваш Ленин.

К И. Ф. Арманд

26 ноября 1916 г.

Дорогой друг!

Только что отправил Вам, так сказать, деловое письмо в ответ на Ваши замечания и мысли по поводу Вашего письма о женских организациях. Но кроме делового письма захотелось мне сказать Вам несколько дружеских слов и крепко, крепко пожать руку. Вы пишете, что у Вас даже руки и ноги пухнут от холоду. Это, ей-ей, ужасно. У Вас ведь и без того руки всегда были зябки. Зачем же еще доводить до этого? Вы пишете сами, что скоро уедете (я не говорю об этом, ибо Вы просили, чтобы я не писал Вам

своих просьб о том, чтобы Вы лучше уехали, где люди есть). Очень рад, что Вы сами собираетесь уехать, и от всей души желаю, чтобы полегче было в другом месте.

Еще раз крепко жму руку и шлю лучшие приветы.

Ваш Ленин

К И. Ф. Арманд

Без даты

Дорогой друг!

Грустно было очень узнать, что вы устали и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли помочь вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески… Если не нравится в санаторий, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу наверное устроит. Он там власть… Подумайте об этом?

К В. И. Ленину

Без даты

Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умереть бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н. К., я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой… Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал.